

Диана Фурсова

КОРМИЛИЦА- ПОПАДАНКА

НАСЛЕДНИК КОРОЛЕВСКОГО ДРАКОНА

Диана Фурсова

**Кормилица-попаданка.
Наследник королевского дракона**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Кормилица-попаданка. Наследник королевского дракона /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Я должна была просто исчезнуть. Очнулась в чужом теле, в королевском дворце, в комнате младшей кормилицы, которую через час собирались выгнать за ворота. Без суда. Без объяснений. Без права увидеть ребёнка, который за закрытой дверью звал меня по имени. Маленький наследник королевского дракона боится собственной комнаты, почти не говорит и уверен: если он не покажет силу, отец от него откажется. Король Рейвард холоден, властен и слишком привык верить совету. Дворец полон правил, старых запретов и красивых слов о долге. Но почему в детской башне не горит полный очаг? Кто пришил чёрный глаз к шторе наследника? Почему дом отвечает ребёнку только тогда, когда рядом обычная кормилица из другого мира? Я не маг и не придворная интриганка. Я просто знаю: ребёнка сначала нужно согреть, накормить и услышать. А уже потом требовать от него драконьего пламени. Только чем теплее становится детская башня, тем яснее видно: кто-то годами разрывал связь между мальчиком, отцом и королевским гнездом. И теперь мне предстоит доказать королю: его сын не слабый. Его просто слишком долго держали в холоде.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Кормилица, которую велели выгнать	5
Глава 2. Мальчик с золотой чешуйкой	16
Глава 3. Король, который не верит слезам	28
Глава 4. Детская башня против новой хозяйки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1. Кормилица, которую велели выгнать

За воротами королевского дворца кормилиц не судили.

Их просто вычёркивали.

Яссена поняла это не сразу. Сначала был холодный пол под ладонью, запах мокрого камня, тяжёлая ткань чужого платья, в которой невозможно было ни вдохнуть свободно, ни подняться с достоинством. Потом — голоса за дверью. Чёткие, равнодушные, уверенные в том, что человек по другую сторону не имеет права ни на объяснения, ни на защиту.

— Через час, — произнесла женщина. — Не позже. До заседания совета её уже не должно быть во дворце.

— А если мальчик снова начнёт кричать? — спросил мужской голос тише.

После короткой паузы женщина ответила так, будто речь шла не о ребёнке, а о треснувшей чашке, которую давно следовало убрать со стола:

— Его Высочество пора отучать от ненужных привязанностей. Особенно сегодня.

Яссена лежала неподвижно и смотрела на низкий потолок, где между тёмных балок тонко дрожал жёлтый свет. В прежней жизни она просыпалась от стука ставен, от шагов постояльцев в коридоре, от запаха утренней выпечки из кухни семейного пансиона. Там тоже бывало холодно, особенно ранней осенью, когда деньги на дрова приходилось считать до последней монеты, но тот холод был честным. Он не прятал за собой чужую власть.

Здесь холод был дворцовым.

Он лежал на стенах, на дверных петлях, на тяжёлой бронзовой ручке, на её пальцах, которые выглядели совсем не так, как должны были. Тоньше, белее, с тонким серебряным кольцом на среднем пальце. На кольце был выгравирован знак: чашеобразное птичье гнездо, охваченное маленьким пламенем.

Яссена медленно села.

Комната покачнулась, но не развалилась. Значит, с ней всё ещё можно было договориться. С комнатой, с телом, с миром, с теми, кто за дверью уже решил её судьбу. Она всегда начинала именно с этого: сначала вдохнуть, потом понять, кому и что нужно, потом найти слабое место в безупречном чужом порядке.

На стуле у стены лежал сложенный серый плащ. Рядом — узкий дорожный мешок, почти пустой. Над ним на крючке висела табличка из тёмного дерева. На ней серебряными буквами было выведено:

Яссена Лиргард, младшая кормилица наследника.

Она прочитала надпись дважды.

Имя было её.

Фамилия — нет.

Мир, очевидно, счёл забавным оставить ей хотя бы одно знакомое слово, чтобы всё остальное стало ещё более невозможным.

За дверью снова заговорили. Теперь ближе, и Яссена различила шорох юбок.

— Приказ госпожи Тивиры я поняла, — сказал мужчина. — Но король ведь не подписал изгнание.

— Король сегодня подпишет всё, что ему принесёт совет, — отрезала женщина. — После ночного происшествия даже он не сможет закрывать глаза. Детская башня не место для слабости, а эта девица развела там слёзы, сказочки и мягкие подушки.

Яссена осторожно встала. Платье оказалось неудобным, будто его шили не для живой женщины, а для наказания: высокий ворот, тугая шнуровка, длинные рукава, простая ткань без украшений. Форма. Не одежда, а знак того, что владелица принадлежит дворцу ровно до тех пор, пока дворец считает её полезной.

Она подошла к маленькому зеркалу у умывального столика.

Из зеркала на неё посмотрела женщина лет двадцати семи или чуть старше. Тёмно-русые волосы были заплетены в тяжёлую косу, выбившиеся пряди прилипли к вискам. Серые глаза казались слишком внимательными для лица, которое явно привыкло молчать. Не красавица из баллад, не придворная жемчужина, а та, кого обычно замечают только тогда, когда в доме всё рушится и кому-то срочно нужны чистые полотна, тёплый ужин, утихший ребёнок и человек, который не начнёт причитать посреди беды.

Яссена коснулась зеркала кончиками пальцев.

— Ладно, — тихо сказала она своему отражению. — Значит, будем разбираться.

Её голос был почти прежним. Чуть ниже, мягче, с непривычным выговором, но слова подчинились ей. Это уже было хорошо.

В дверь постучали один раз — не спрашивая разрешения, а предупреждая, что сейчас войдут. Яссена едва успела выпрямиться, когда створка распахнулась.

На пороге стояла высокая женщина в тёмно-синем платье с жёстким воротником. Серебристые волосы были убраны так гладко, что ни одна прядь не смела выбиться на свободу. Лицо у неё было ухоженное, холодное и утомлённое чужими ошибками. За её спиной маячили двое слуг в серой ливрее.

— Очнулась, — произнесла женщина без малейшего удивления. — Прекрасно. Значит, сможешь идти сама.

Яссена не знала, кто перед ней, но уже слышала имя.

Госпожа Тивира.

Та самая, по чьему приказу её должны были вывести за ворота.

— Куда идти? — спросила Яссена.

Вопрос прозвучал спокойно. Спокойнее, чем она чувствовала себя на самом деле.

Тивира прищурилась.

— Ты решила притвориться простодушной?

— Я решила уточнить приказ, госпожа.

На лице женщины мелькнуло недовольство. Видимо, прежняя владелица этого тела чаще плакала или оправдывалась. Спокойные уточнения в расписание её унижения не входили.

— Из дворца, Лиргард. Из королевской службы. Из детской башни. Из жизни Его Высочества, пока ты не причинила ещё большего вреда.

Слово “вред” неприятно ударило по слуху. Яссена удержала лицо неподвижным.

— Что случилось с наследником?

— Не смей произносить это так, будто имеешь право беспокоиться о нём.

— Я числюсь его кормилицей, — Яссена взглядом указала на табличку у стены. — Значит, до изгнания право у меня всё ещё есть.

Один из слуг за спиной Тивире опустил глаза. Второй, совсем молодой, едва заметно втянул воздух. Во дворце, где каждое слово взвешивали на страхе, такой ответ был почти неприличным.

Тивира сделала шаг в комнату.

— Твоё право закончилось ночью, когда наследник сорвал королевскую печать с окна, закричал так, что проснулись восточные покои, и отказался подпустить к себе старших наставниц. А когда его попытались вывести к отцу, он вцепился в твою юбку и назвал тебя...

Она замолчала.

И это молчание оказалось важнее слов.

Яссена осторожно спросила:

— Как он меня назвал?

— Неважно.

Важно, поняла Яссена. Очень важно.

В прежнем мире она много лет управляла пансионом, где чужие дети оставались на лето, вдовы снимали комнату на месяц, купцы переживали непогоду, а усталые люди делали вид, что им не нужна помощь. Она знала: когда взрослые с таким лицом говорят “неважно”, значит, ребёнок сказал правду, которую никто не хотел слышать.

— Где он сейчас?

— Там, где ему положено быть.

— Один?

— Не твоё дело.

Яссена посмотрела на дорожный мешок. В нём виднелась пара свёрнутых сорочек, гребень без двух зубцов и маленькая деревянная птичка с обломанным крылом. Игрушка. Детская, потёртая, явно спрятанная впопыхах.

Мивель, вспомнилось ей внезапно.

Имя всплыло не из памяти, а будто из самого воздуха комнаты. Маленький наследник. Тихий. Худой. С глазами, которые всегда искали дверь.

Яссена не знала, откуда это знает. Может, тело помнило. Может, дворец подсказывал. А может, она сама слишком хорошо понимала детей, которых взрослые обсуждают так, словно они не слышат.

— Я хочу увидеть его перед уходом, — сказала она.

Тивира рассмеялась коротко и совершенно не весело.

— Ты ничего не хочешь, Лиргард. Ты выполняешь приказ.

— Приказ короля?

Женщина перестала смеяться.

— Приказ старшей хранительницы детской башни.

— Значит, не короля.

Воздух в комнате будто уплотнился. Слуги застыли у порога.

Тивира смотрела на Яссену долго, с нарастающим раздражением. Потом медленно про-
изнесла:

— Тебе, похоже, падение с лестницы пошло на пользу. Раньше ты была глупее, зато знала своё место.

Падение с лестницы. Вот почему она очнулась на полу. Вот почему её списали так быстро: во дворце, где всё решает порядок, человек, не умеющий вовремя исчезнуть, становится лишней вещью.

Яссена шагнула к стулу, взяла плащ и накинула его на плечи.

— Я знаю своё место, госпожа Тивира. Рядом с ребёнком, которого мне поручили.

— Тебя уже отстранили.

— Кто?

— Совет подтвердит это меньше чем через час.

— Значит, пока не подтвердил.

Ей не стоило так говорить. Она понимала это прекрасно. В новом мире она не знала законов, не знала, насколько жестоко здесь наказывают за дерзость, не знала, кто стоит за Тивирой и почему король позволил кому-то распоряжаться его сыном. Но если её всё равно выводят за ворота, молчание не даст ей ни минуты. А один правильно заданный вопрос иногда открывает больше дверей, чем связка ключей.

Тивира подняла руку. Не резко, почти лениво, но слуги тут же выпрямились.

— Отведите её к северному выходу.

Молодой слуга шагнул вперёд. Яссена не отступила, но и не стала устраивать бессмысленную борьбу. Вместо этого она повернула голову к открытому дверному проёму.

И услышала.

Где-то далеко, за каменными переходами и закрытыми дверями, в глубине дворца, раздался тонкий стук. Один раз. Второй. Третий.

Будто маленькая ладонь била по дереву.

Потом послышался голос. Детский, сорванный от испуга, но упрямый:

— Се-на!

Тивира резко обернулась.

Слуги переглянулись.

Яссена не знала, как именно ребёнок искажил её имя, но в этом коротком крике было столько отчаяния и надежды, что все незнакомые стены вдруг стали второстепенными. Она больше не была женщиной, которую собираются выгнать. Она была единственным человеком, которого сейчас звал ребёнок.

— Он заперт? — спросила Яссена.

— Наследник находится под надзором, — сухо ответила Тивира.

— Заперт, — повторила Яссена уже не вопросом.

— Достаточно.

— Ребёнок зовёт меня.

— Наследник должен научиться звать тех, кто имеет право отвечать.

Яссена посмотрела на неё и впервые почувствовала не страх, а очень ясную злость. Не горячую, не ослепляющую, а хозяйскую — такую, какая поднимается, когда в доме сильные взрослые начинают ломать слабого только потому, что им так удобнее.

— В прежнем доме, где я служила, — сказала она медленно, не зная, откуда берёт эту ложь или полуправду, — когда ребёнок плакал за дверью, первой открывали дверь, а уже потом выясняли, кто прав.

— Это дворец, Лиргард. Не твой прежний дом.

— Тогда, возможно, именно поэтому здесь так холодно.

Молодой слуга всё же сделал шаг к ней, но в этот миг где-то в коридоре гулко ударил колокол. Один протяжный звук прошёл по камню, по полу, по дверным косякам. Тивира побледнела не от испуга, а от бешеного недовольства: что-то пошло не по её расписанию.

— Совет собирается раньше, — сказал второй слуга.

— Не может быть. До полуденного удара ещё...

Он не договорил.

Из дальнего коридора донёсся новый шум: быстрые шаги, приглушённые голоса, звон металлических подвесок на форменной одежде. Дворец просыпался не утром, а тревогой.

Тивира резко повернулась к Яссене.

— Ты никуда не пойдёшь. Останешься здесь до моего возвращения. Если попытаешься выйти, тебя вынесут.

— А наследник?

— Наследником займутся те, кто понимает долг.

Она вышла, не закрыв дверь до конца. Слуги остались на пороге. Молодой всё ещё избегал смотреть Яссене в глаза, а второй, широкоплечий и угрюмый, явно был готов выполнить приказ без лишних размышлений.

Яссена могла сесть и ждать.

В чужом мире, в чужом теле, под властью людей, чьи имена она едва знала, ожидание казалось разумным. Её могли обвинить в чём угодно. Её могли выбросить за ворота без плаща. Её могли запереть в этой комнате так же, как заперли мальчика. Любое действие было опасным.

Но бездействие уже выбрали за неё другие.

И оно вело к тому, что маленького Мивеля передадут совету, где его будут оценивать, обсуждать и, скорее всего, ломать красивыми словами о долге.

Яссена подняла дорожный мешок, достала из него деревянную птичку и показала слугам.

— Это его?

Молодой вздрогнул.

— Не положено...

— Я спросила не о том, что положено. Это игрушка наследника?

Он промолчал слишком долго.

Яссена кивнула самой себе и спрятала птичку в карман плаща.

— Значит, отнесу.

Широкоплечий слуга шагнул поперёк двери.

— Госпожа Тивира велела вам остаться.

— Госпожа Тивира велела меня выгнать. Потом велела оставить. До этого, вероятно, велела кому-то запереть ребёнка. Я начинаю подозревать, что госпожа Тивира слишком часто велит и слишком редко думает, к чему это приводит.

Молодой слуга едва слышно кашлянул, пряча лицо.

Широкоплечий нахмурился:

— Не вынуждайте нас.

— Я не вынуждаю. Я прошу проводить меня к наследнику. Если я ошибаюсь, вы сможете сказать совету, что всего лишь не позволили бывшей кормилице устроить шум перед заседанием. Если я права и ребёнку действительно плохо от страха, вы сможете сказать королю, что хотя бы один человек в его дворце не стоял столбом.

Они смотрели на неё.

Яссена видела, как в молодом борются приказ и совесть, а в широкоплечем — привычка и неуверенность. Не хватало малого. Не красивой речи, нет. Красивые речи хороши в зале с коврами. В коридоре перед закрытой комнатой решают детали.

Она достала деревянную птичку снова и повернула так, чтобы было видно обломанное крыло.

— Если наследник зовёт меня, значит, он знает, что эта птица у меня. И если он спросит, почему я не пришла, вы сами ему ответите?

Молодой первым отступил.

Широкоплечий бросил на него тяжёлый взгляд, но тоже не удержал проход.

— Быстро, — буркнул он. — До поворота. Дальше я ничего не видел.

— Вы видели, — мягко сказала Яссена, выходя в коридор. — Просто наконец-то правильное.

Коридор оказался длинным, с высокими узкими окнами, за которыми серело небо. Где-то внизу шумел двор. Каменные стены были украшены вырезанными драконьими крыльями, но от этой красоты веяло не торжеством, а пустотой. Слишком много пространства, слишком мало жизни. Даже ковры лежали так ровно, будто по ним годами никто не бегал.

Яссена шла быстро, стараясь не показывать, что не знает дороги. К счастью, детский голос снова донёсся из глубины перехода.

— Се-на!

Теперь ближе.

Молодой слуга поморщился.

— Его Высочество с рассвета так. Сначала молчал, потом слышал, что вас уведут.

— Кто сказал ему?

— Никто не говорил.

— Дети слышат то, что взрослые шепчут за дверями.

Слуга покосился на неё с удивлением, будто такая простая мысль не входила в дворцовые правила.

Они свернули к лестнице. Здесь было холоднее. На перилах лежал тонкий серый налёт, похожий на пыль, но пальцы Яссены почувствовали не грязь, а странную сухую стужу. Как будто камень давно не видел огня.

На площадке стояла круглая дверь из тёмного дерева. На ней висели три замка, но закрыт был только один. Возле двери переминалась полная женщина в коричневом платье, прижимая к груди связку полотенец. Увидев Яссену, она испуганно охнула.

— Госпожа Лиргард... вас же...

— Потом, — сказала Яссена. — Откройте.

— Мне не велели.

— А ребёнку велели не бояться?

Женщина сжала полотенца сильнее. Лицо её дрогнуло.

За дверью снова стукнули. Уже слабее.

— Няра Эмма, — тихо произнёс молодой слуга, — откройте. Пока старшая не вернулась.

Значит, Эмма. Ещё одно имя.

Женщина достала ключ. Руки у неё заметно дрожали, но замок поддался быстро, будто сам устал держать дверь закрытой.

Яссена шагнула внутрь.

Детская башня оказалась совсем не похожей на место, где должен жить королевский наследник. Комната была просторной, но пустой. Слишком высокий потолок, слишком тяжёлые шторы, слишком большой очаг, в котором тлела жалкая горстка углей. На полках стояли игрушки, но все — дорогие, холодные, без следов настоящей игры: серебряные лошадки, резные крепости, фарфоровые звери с неподвижными глазами.

И посреди этого чужого великолепия, у подножия широкой кровати, сидел маленький мальчик.

Он был в белой рубашке, поверх которой на плечи набросили синий жилет с гербом. Светлые волосы торчали в разные стороны, будто их пытались пригладить, но он вывернулся. Лицо бледное, глаза огромные, тёмно-золотые. Одной рукой он держался за ножку кровати, другой прижимал к груди кусок синей ткани.

Когда Яссена вошла, мальчик замер.

Так замирают дети, которые уже не верят до конца, что взрослый действительно пришёл.

— Се-на? — прошептал он.

Яссена почувствовала, как все слова, приготовленные для слуг, Тивиры и совета, исчезли. Перед ней был не “наследник”, не “будущий король”, не “проблема детской башни”. Просто ребёнок, который слишком долго ждал у закрытой двери.

Она опустилась на колени, чтобы не нависать над ним.

— Я здесь, Мивель.

Имя произнеслось легко. Правильно. Будто она уже сотни раз звала его к столу, к окну, к тёплому пледу, к игрушкам, к жизни, которую у него почему-то отняли.

Мальчик всхлипнул и бросился к ней.

Он вцепился в её плащ с такой силой, что ткань натянулась на плечах. Яссена осторожно обняла его, не прижимая слишком резко. Дети, которых часто отрывают от единственного безопасного человека, пугаются даже добрых рук, если те торопятся.

— Они сказали, ты ушла, — выдохнул Мивель.

— Я не ушла.

— Сказали, я больше тебя не увижу.

— А ты меня видишь?

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть ей в лицо, и кивнул.

— Значит, сейчас верим глазам, — сказала Яссена.

За спиной кто-то тихо вздохнул. Няра Эмма вытирала уголок глаза краем полотенца, стараясь делать вид, что просто поправляет складки.

Яссена достала деревянную птичку.

Мивель увидел её и раскрыл ладони.

— Искра!

— У неё крыло сломано.

— Она всё равно летает, — серьёзно сказал мальчик. — Только когда никто не смотрит.

— Тогда мы не будем мешать.

Он осторожно взял игрушку, прижал к себе и вдруг нахмурился, будто вспомнил, что радоваться нельзя.

— Они поведут меня в большой зал.

— Кто?

— Советники. Госпожа Тивира сказала, что я должен показать знак. А если не покажу, меня заберут из башни.

Яссена не стала спрашивать, какой знак. Слишком рано. Она и так едва держалась на тонкой нити догадок.

— А ты хочешь идти?

Мивель посмотрел на неё так, словно она задала невозможный вопрос. Детей во дворцах, видимо, редко спрашивали, чего они хотят.

— Я должен.

— Это не ответ.

Он опустил глаза на свою ладонь. Яссена заметила на коже у основания большого пальца маленькую золотую чешуйку. Она была не украшением и не пятнышком, а настоящей крохотной пластинкой, тёплой на вид, будто в ней прятался солнечный луч.

Мивель быстро сжал кулак.

— Если я не покажу огонь, отец рассердится.

При слове “отец” его голос стал тише.

— Ты видел его сегодня?

Мальчик покачал головой.

— Он занят королевством.

Фраза была чужой. Повторённой много раз. Яссена услышала в ней не ребёнка, а взрослых, которые объясняли одиночество красивыми словами.

Она оглянулась на очаг. Угли почти погасли. В детской было не просто прохладно; здесь всё будто отучали от тепла. Шторы задерживали утренний свет, игрушки стояли далеко, постель была застелена так безупречно, что на неё страшно было сесть.

— Няра Эмма, — сказала Яссена, не выпуская Мивеля из объятий, — почему очаг почти пустой?

Женщина испуганно посмотрела на дверь.

— Таков порядок. До появления знака наследнику не положен полный огонь в покоях.

— Кто это придумал?

— Так было записано в наставлениях детской башни.

— В наставлениях для детей или для камней?

Эмма растерялась.

Молодой слуга за дверью снова едва слышно кашлянул.

Яссена поднялась, взяв Мивеля за руку. Он не отпустил её, но пошёл рядом. У очага стояла корзина с тонкими поленьями, перевязанными белым шнуром. Не пустая. Значит, холод был не бедностью и не случайностью, а чьим-то решением.

Она взяла одно полено и положила на угли.

— Госпожа Лиргард! — ахнула Эмма. — Нельзя без разрешения старшей!

— Ребёнку холодно.

— Но порядок...

— Порядок, при котором ребёнок дрожит в собственной комнате, нуждается не в уважении, а в пересмотре.

Она добавила второе полено. Потом третье. Делала это спокойно, без вызова, будто наводила порядок в своём пансионе после нерадивых постояльцев. Огонь сперва не хотел разгораться. Угли хмуро темнели, выпуская тонкую красную жилку, и Яссена уже подумала, что сейчас опозорится перед всеми, включая ребёнка.

Но Мивель вдруг шагнул ближе.

Его золотая чешуйка на ладони вспыхнула.

Не ярко. Не страшно. Просто в глубине очага что-то ответило ему тёплым золотым светом. Поленья занялись ровным пламенем, и по комнате сразу побежали живые тени. Серебряные лошадки на полке перестали казаться мёртвыми. Фарфоровые звери вдруг стали просто игрушками. На синем жилете Мивеля герб сверкнул так, будто дракон на нём открыл глаз.

Эмма медленно опустилась на край стула.

— Огонь принял...

— Что? — спросила Яссена.

Женщина побледнела ещё сильнее и закрыла рот рукой, словно сказала лишнее.

Мивель смотрел в очаг заворожённо.

— Он тёплый, — прошептал он. — Сегодня он не сердится.

У Яссены по спине прошёл холодок, уже не от сквозняка.

Огонь, который сердится. Дворец, где ребёнку не положено тепло. Совет, собирающийся раньше срока. Старшая хранительница, которая торопится убрать кормилицу до заседания.

Слишком много совпадений для одного утра.

— Ваше Высочество, — осторожно сказала она, — что случилось ночью?

Мальчик тут же сжался.

Яссена поняла: рано. Нельзя тянуть правду из ребёнка, как нитку из плохо зашитого шва. Потянешь резко — порвётся всё.

Она присела рядом с ним у очага.

— Хорошо. Не сейчас. Тогда скажи мне другое. Ты завтракал?

Мивель замялся.

Эмма ответила вместо него:

— Его Высочество отказался.

— Ему приносили то, что он любит?

— Наследник должен есть по расписанию детской башни.

Яссена медленно повернулась к ней.

— Эмма, я сейчас задам очень простой вопрос. Что любит Мивель?

Женщина растерянно моргнула. Потом посмотрела на мальчика, на очаг, на дверь, словно ожидала, что за правильный ответ её немедленно осудят.

— Тёплые лепёшки с ягодами, — наконец тихо сказала она. — И сливочный сыр. И груши, если их нарезать тонко. Только госпожа Тивира считает, что наследнику нельзя потакать.

— Прекрасно. Принесите лепёшки, сыр и груши.

— Но совет...

— Совет может заседать без голодного ребёнка ещё четверть часа.

— Госпожа Лиргард, вы уже не...

— Я ещё здесь, — сказала Яссена. — И он тоже.

Мивель вдруг крепче сжал её пальцы.

Это было маленькое движение. Но в нём было доверие, а доверие ребёнка — не придворная милость, которую можно отнять приказом. Его либо заслуживают, либо теряют.

Эмма колебалась ещё миг, потом неожиданно выпрямилась.

— Я принесу.

Она вышла почти бегом. Молодой слуга метнулся за ней, видимо, чтобы помочь или хотя бы сделать вид, что ничего особенного не происходит. Широкоплечий остался у двери, но теперь смотрел уже не на Яссену, а на огонь.

Мивель сел на ковёр рядом с очагом. Яссена устроилась рядом, хотя платье не позволяло сделать это удобно. Пришлось подоткнуть юбку, забыв о дворцовой правильности.

— Госпожа Тивира рассердится, — сказал мальчик.

— Наверное.

— Она говорит, когда взрослые сердятся, детям надо молчать.

— Иногда детям надо быть в безопасности. А взрослым полезно слушать.

Он обдумал это, нахмутив лоб.

— Ты странная.

— Очень может быть.

— Но хорошая?

Вопрос был задан так серьёзно, что Яссена не улыбнулась, хотя сердце у неё сжалось.

— Я постараюсь быть хорошей для тебя.

— А если совет скажет, что нельзя?

— Тогда я послушаю, что скажет совет, и подумаю, почему он ошибается.

Мивель впервые почти улыбнулся.

В коридоре послышались новые шаги. Не торопливые, как у слуг, и не резкие, как у Тивир. Эти шаги были ровными, тяжёлыми и такими уверенными, будто весь дворец заранее уступал им дорогу.

Широкоплечий слуга вытянулся.

Мивель мгновенно поднялся с ковра. Его пальцы судорожно нашли руку Яссены.

Дверь в детскую башню открылась.

На пороге стоял мужчина в чёрном камзоле без лишних украшений. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, собранными у затылка, и лицом, на котором власть давно вытеснила привычку объясняться. Глаза у него были янтарные, но не тёплые, как огонь в очаге, а глубокие и настороженные, словно расплавленное золото застыло под коркой льда.

Даже если бы Яссена не знала, она бы догадалась.

Король.

Рейвард Олын-Дарак.

За его плечом стояла Тивира. Лицо её было безупречно спокойным, но пальцы так крепко сжимали край рукава, что ткань смялась.

Рейвард посмотрел сначала на разгоревшийся очаг. Потом на Мивеля, который стоял босиком на ковре с деревянной птичкой в руке. Потом на Яссену — сидящую рядом, в плаще для изгнания, с подоткнутой юбкой и лицом женщины, которая уже успела нарушить не меньше трёх правил, даже не зная их точного названия.

— Мне сказали, — произнёс он низким ровным голосом, — что бывшая кормилица отказалась покинуть дворец.

Яссена поднялась. Медленно, чтобы не напугать Мивеля и не показать королю лишней растерянности. Она не склонилась до пола, потому что не знала, как здесь положено, а плохой поклон иногда хуже его отсутствия. Поэтому просто опустила голову — достаточно уважительно, но без унижения.

— Ваше Величество, мне сказали, что ребёнка поведут к совету голодным, замёрзшим и испуганным. Я решила, что это более срочно, чем моё изгнание.

Тивира резко вдохнула.

В комнате стало так тихо, что треск поленьев прозвучал почти дерзко.

Рейвард смотрел на Яссену долго. Слишком долго для человека, привыкшего отдавать приказы быстро. В его взгляде не было ни мягкости, ни благодарности. Но там появилась внимательность. А внимательность сильного человека иногда даёт больше шансов, чем жалость.

— Вы разожгли очаг? — спросил он.

— Да.

— Вам известно, что до подтверждения знака наследника полный огонь в этой комнате запрещён?

— Теперь известно.

— И вы всё равно сделали это?

— Да.

Мивель тихо шагнул к ней ближе. Не спрятался за спину, а именно встал рядом. Для ребёнка, который боялся совета, это было почти подвигом.

Рейвард заметил.

Его взгляд переместился на сына, и впервые суровость на лице короля дала трещину. Не исчезла, нет. Просто под ней на миг показался человек, который не знает, как подойти к собственному ребёнку, если тот держит за руку чужую женщину.

— Мивель, — сказал он.

Мальчик вздрогнул.

— Отец.

Слово прозвучало правильно, но слишком официально. Яссена почувствовала, как маленькие пальцы снова впились в её ладонь.

Рейвард сделал шаг в комнату. Мивель не отступил, но весь напрягся.

— Ты должен быть готов к совету.

— Он будет готов, когда поест, согреется и поймёт, чего от него хотят, — сказала Яссена.

Тивира не выдержала:

— Ваше Величество, эта женщина нарушила распоряжение старшей башни, вмешалась в подготовку наследника и...

Король поднял руку. Тивира замолчала мгновенно.

Рейвард всё ещё смотрел на Яссену.

— Вы понимаете, с кем говорите?

— Не до конца, — честно ответила она. — Но я понимаю, с кем стою рядом.

И положила свободную руку на плечо Мивеля.

Огонь в очаге вдруг поднялся выше. Ненадолго, всего на один вдох. Золотая вспышка скользнула по стенам, по лицам, по резным крыльям над дверью.

Рейвард резко повернул голову к пламени.

Тивира побелела.

Мивель прошептал:

— Се-на, он опять слушает.

Яссена не знала, кто “он”. Огонь? Дворец? Дракон на гербе? Род, который здесь, кажется, был не просто словом?

Но она поняла другое: все взрослые в комнате испугались того, что ребёнок заметил первым.

Рейвард медленно перевёл взгляд на сына.

— Что ты сказал?

Мивель сжал губы.

Яссена почувствовала, как он снова готов спрятаться в молчание, потому что каждый его ответ здесь превращали в испытание. Она присела рядом, чтобы смотреть не сверху вниз, а на одном уровне.

— Мивель, — тихо сказала она, — не надо говорить для совета. Скажи для себя.

Мальчик посмотрел на неё, потом на отца, потом на огонь.

— Дворец не сердится, когда она рядом, — выговорил он наконец. — Он греет.

Никто не ответил сразу.

Даже Тивира молчала.

Пламя в очаге стало ровнее, глубже, и в нём на миг проступил знак — маленькое гнездо, охваченное золотой дугой. Точно такой же знак был на кольце Яссены.

Король увидел его.

Теперь он смотрел уже не как правитель, которому доложили о нарушении. Он смотрел как человек, перед которым открылась дверь туда, где он давно запретил себе искать ответы.

— Совет подождёт, — сказал Рейвард.

Тивира резко повернулась к нему:

— Ваше Величество, но регент уже...

— Совет подождёт, — повторил король. И на этот раз в его голосе послышался дракон.

Он подошёл к Яссене ближе. Не угрожающе, но так, что воздух между ними стал плотнее.

Мивель не отпустил её руку.

— У вас был час, чтобы покинуть дворец, госпожа Лиргард, — сказал Рейвард. — Теперь у вас будет семь дней.

Яссена медленно выдохнула.

— Семь дней на что?

Король посмотрел на горящий очаг, на золотую чешуйку в ладони сына, на кольцо Яссены и наконец ответил:

— На то, чтобы доказать мне, что мой сын не ошибся, когда позвал именно вас.

Глава 2. Мальчик с золотой чешуйкой

Семь дней могли быть милостью.

А могли оказаться отсроченным приговором, просто произнесённым королевским голосом.

Яссена поняла это по тому, как замолчали все в детской башне. Няра Эмма замерла у дверей с подносом, который успела принести из кухни; молодой слуга вытянулся так прямо, будто у него вместо спины вставили железную планку; широкоплечий страж у порога старался смотреть не на короля, не на Тивиру и даже не на огонь, а куда-то в резной завиток дверной рамы. Одна только Тивира не прятала взгляда. Она смотрела на Яссену с таким холодным вниманием, что в этой комнате, где только что разгорелся очаг, снова стало зябко.

Рейвард Ольн-Дарак не повторил своего решения. Видимо, королям не требовалось повторять то, что и так должно было лечь камнем в память всех присутствующих.

Он стоял рядом с очагом, высокий, тёмный, безупречно собранный, и Яссена вдруг очень ясно почувствовала всю нелепость собственного положения. Час назад она очнулась на полу в чужой комнате, не зная ни законов этого мира, ни прошлого женщины, чьё тело теперь стало её собственным. Сейчас же она стояла перед королём-драконом, держала за руку наследника, которого собирались вести к совету, и получила неделю, чтобы доказать неизвестно что неизвестно кому.

В прежней жизни, если в пансионе одновременно протекала крыша, ругались постояльцы и пропадал ключ от кладовой, Яссена всегда начинала с самого простого: накормить тех, кто голоден, согреть тех, кто замёрз, и убрать с дороги тех, кто мешает думать.

Здесь порядок был нужен тот же. Просто крыша называлась дворцом, постояльцы — советом, а ключ от кладовой, кажется, был связан с золотой чешуйкой на ладони маленького наследника.

— Семь дней, — медленно повторила Тивира, словно проверяя, не ослышалась ли. — Ваше Величество, позвольте уточнить, под чьим надзором?

Рейвард не сразу ответил. Он смотрел на сына.

Мивель стоял рядом с Яссеной, вцепившись пальцами в её руку. На его ладони золотая чешуйка уже не сияла, но казалась теплее окружающего света, будто в ней осталась крохотная память очага. Мальчик старался держаться прямо. Так, наверное, его учили. Так требовали от наследника. Только плечи всё равно были подняты, а деревянная птичка с обломанным крылом прижата к груди слишком крепко.

— Под моим, — сказал король наконец.

Тивиру едва заметно опустила ресницы.

— Разумеется.

Это “разумеется” прозвучало почти идеально. Почти. Но Яссена уже слышала в голосах людей мелкие трещины — то, что постояльцы называли усталостью, купцы скрывали под любезностью, а придворные, видимо, прятали под почтением. Тивиру была недовольна не самим решением. Она была недовольна тем, что оно лишило её права распоряжаться первой.

— Совет ожидает наследника, — напомнила она.

Мивель тихо вдохнул и снова сжал руку Яссены. Не больно. Просто так, будто она была единственной верёвкой над глубокой водой.

Яссена почувствовала, как в ней поднимается желание ответить за него, резко, уверенно, сразу. Но вовремя остановилась. Нельзя было превращаться в стену между мальчиком и всем миром. Стена защищает, но за ней ребёнок не учится ходить сам.

Она присела рядом с Мивелем, не обращая внимания на то, как при этом смялся край строгой юбки.

— Ты помнишь, что мы решили? — тихо спросила она.

Мальчик настороженно посмотрел на неё.

— Верить глазам?

— И ещё есть тогда, когда голоден.

Он моргнул, явно не ожидая, что среди короля, совета и страшных взрослых кто-то вспомнит о лепёшках.

Поднос в руках Эммы чуть звякнул. На нём стояла широкая тарелка с тёплыми лепёшками, мисочка с мягким белым сыром, тонко нарезанные груши и маленькая чашка с ягодами. Ничего роскошного, ничего торжественного, но от этой простой еды в комнате вдруг стало больше жизни, чем от всех серебряных лошадок на полке.

— Его Высочество не может явиться в совет с крошками на камзоле, — сказала Тивира.

— Тогда мы проследим, чтобы крошек не было, — ответила Яссена.

Сказала мягко. Почти буднично. Но по лицу Тивире поняла: именно будничность и раздражала сильнее всего.

Рейвард перевёл взгляд на поднос. Потом — на сына.

— Мивель, ты не завтракал?

Мальчик посмотрел на отца. На один короткий миг в его глазах промелькнуло что-то яркое и уязвимое: надежда, что ответ услышат, а не используют против него.

— Не хотел, — сказал он.

— Почему?

Мивель замялся.

Яссена не вмешалась. Только чуть повернула ладонь, чтобы его пальцы лежали свободнее, а не судорожно цеплялись за неё.

— В комнате было темно, — выговорил он наконец. — И у окна опять стояла тень.

Тивира резко выпрямилась.

— Ваше Высочество, вы снова повторяете ночные выдумки.

Мивель съёжился так быстро, что Яссене захотелось заслонить его собой. Но она снова удержалась от резкого движения. Вместо этого посмотрела на окно.

Тяжёлые шторы были задёрнуты не полностью. Между ними оставалась узкая щель, через которую сочился серый дневной свет. За стеклом виднелась каменная балюстрада и кусок неба. Ничего страшного. Ничего явного.

И всё же у основания окна лежала странная полоска темноты.

Не тень от шторы. Та была бы мягче. Не след от мебели. Рядом ничего не стояло. Эта темнота будто прилипла к полу, тонкая, неровная, похожая на след от мокрой ткани, которую давно убрали, а холод остался.

Яссена не стала подходить сразу. В чужом мире любая странность могла оказаться обычной вещью, а любая обычная вещь — ловушкой. Она только отметила: Мивель смотрит не на людей. Он смотрит именно туда, к окну. И боится не наказания, а того, что взрослые снова скажут, будто ничего нет.

— Ваше Величество, — произнесла она осторожно, — совет может подождать, но страх ребёнка сам себя не разберёт.

— Страх наследника не должен становиться поводом для беспорядка, — холодно сказала Тивира.

— Страх ребёнка всегда становится беспорядком, если взрослые делают вид, что его нет.

Рейвард молчал.

Яссена чувствовала на себе его взгляд. Не злой, не добрый — оценивающий. Он будто всё ещё решал, видит перед собой дерзкую служанку, странную самозванку или человека, которого по какой-то причине услышал очаг.

Наконец король сказал:

— Покажите.

Не “подойдите”. Не “проверьте”. Одно слово, приказное и короткое. Но в нём было решение.

Яссена отпустила руку Мивеля не сразу. Сначала посмотрела на него.

— Я только к окну. Ты меня видишь.

Он кивнул, но тут же прижал Искру к груди.

— Она не любит, когда смотрят прямо.

— Тогда я не буду смотреть прямо.

Тивири тихо выдохнула, будто с трудом терпела глупую сцену.

Яссена подошла к окну медленно, стараясь не показывать, как сильно ей самой не по себе. Каждый шаг по ковру глушил звук, и от этого казалось, что комната прислушивается. Огонь в очаге потрескивал ровно, но стоило ей приблизиться к полоске темноты, как пламя стало ниже.

Не погасло. Просто насторожилось.

Она остановилась в двух шагах от окна и сделала вид, что поправляет край шторы. Пальцы коснулись тяжёлой ткани. Дорогая, плотная, с вышитыми по краю драконьими крыльями. На изнанке, почти у самого пола, была пришита маленькая чёрная бусина.

Нет. Не бусина.

Глаз.

Стеклянный, гладкий, крохотный, вшитый в складку так ловко, что его не заметил бы тот, кто привык смотреть на вещи сверху. В прежнем пансионе Яссена так же находила чужие записки за рамами картин, спрятанные монеты в матрасах и детские тайники под половицей. Дом всегда выдавал секреты тем, кто не считал уборку низким делом.

Она не дёрнула ткань, не ахнула и не позвала короля. Только провела пальцами ниже, будто проверяла шов.

Полоска тьмы у окна дрогнула.

Не как обычная тень. Как живое существо, которому наступили на хвост.

Мивель тихо всхлипнул.

Яссена повернула голову не прямо к полу, а к очагу.

— Эмма, — сказала она ровным голосом, — у вас найдётся светлая нить? Обычная. Для починки шторы.

Няра растерялась.

— Сейчас?

— Сейчас.

Тивири шагнула вперёд.

— Зачем?

— Штора распорота по нижнему краю. Если Его Высочество должен явиться в совет без крошек на камзоле, комната наследника тоже должна выглядеть прилично.

Это был первый ответ, который Тивири не смогла мгновенно отвергнуть. Приличие, порядок, внешний вид — её же оружие. Яссена просто повернула его другой стороной.

Эмма торопливо поставила поднос на маленький столик и вышла к соседней комнате. Вернулась с деревянной коробкой для рукоделия, в которой лежали катушки, иглы, узкие ленты, серебряные застёжки и несколько напёрстков. Яссена выбрала белую нить, но иглу брать не стала.

— Мивель, подойдёшь ко мне на три шага? — спросила она.

— Не надо! — резко сказала Тивири. — Наследнику не следует приближаться к сомнительным следам.

Вот теперь она признала, что след есть.

Рейвард повернул к ней голову.

— Сомнительным?

Тиви́ра поняла ошибку сразу. Лицо её осталось спокойным, но пальцы на рукаве вновь напряглись.

— Я имела в виду детские страхи, Ваше Величество.

— Нет, — тихо сказал Мивель.

Все посмотрели на него.

Мальчик стоял очень бледный, но смотрел уже не в пол, а на тень у окна.

— Она настоящая. Она приходит, когда в очаге мало огня. Сначала стоит у окна. Потом ползёт к кровати. А если я закрываю глаза, шепчет, что отец не придёт.

Рейвард не двинулся.

Но Яссена увидела, как изменилось его лицо. Совсем немного. Для других, наверное, почти незаметно. Просто взгляд стал тяжелее, а на скулах проступило напряжение.

— Почему ты не сказал мне? — спросил он.

Мивель опустил голову.

— Я говорил.

Эти два слова оказались страшнее любого крика.

В комнате снова стало тихо. Не торжественно, не придворно, а виновато. Даже огонь в очаге потрескивал тише, будто ему было неловко за взрослых.

Рейвард перевёл взгляд на Тиви́ру.

— Мне докладывали, что наследник видит сны.

— Так и было, Ваше Величество. Ребёнок впечатлителен после смерти королевы, а ночные страхи...

— Он говорил о тени у окна?

Тиви́ра задержала ответ на один удар сердца.

— Он упоминал её.

Яссена услышала не признание, а запертую дверь. За этой фразой пряталось слишком многое: кто решил не верить ребёнку, кто запретил огонь, кто пришёл к шторе стеклянный глаз и зачем совет собирали раньше.

Но сейчас нельзя было нападать. Она ещё не знала правил и не могла позволить, чтобы её первый же день во дворце закончился тем, что её выволокут из башни под крики Мивеля. Ей нужно было сделать маленькую, понятную вещь. Такую, которую никто не назовёт бунтом.

Она протянула белую нить мальчику.

— Держи один конец.

Мивель посмотрел на нить так, будто та была не тонкой хлопковой линией, а мостом через пропасть.

— Зачем?

— Проверим, что в этой комнате принадлежит тебе, а что притворяется тенью.

— Я не умею.

— Тебе и не надо уметь. Просто держи.

Он подошёл. Один шаг. Второй. На третьем остановился, но всё же взял нить. Его золотая чешуйка коснулась белого волокна — и нить едва заметно потеплела в пальцах Яссены.

Рейвард это увидел. Тиви́ра тоже.

Яссена медленно опустила свой конец нити к полу возле шторы, не касаясь тёмного следа. Полоска тьмы шевельнулась опять. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы Эмма за спиной судорожно прижала руку к груди.

— Не прямо, — прошептал Мивель. — Она не любит прямо.

— Тогда сбоку, — так же тихо ответила Яссена.

Она положила нить полукругом. Не на тень, а вокруг неё. Белая линия легла на ковёр, мягкая и безобидная. Ничего не произошло.

Потом Мивель, сам того не понимая, сжал свой конец крепче.

Золотая чешуйка вспыхнула.

В очаге ответил огонь.

Не бурно, не страшно, а глубоко, будто кто-то подкинул в самую сердцевину пламени горсть солнечных искр. Белая нить на полу засияла тёплым светом, и тень у окна вдруг съёжилась. Она не исчезла полностью. Просто отступила к самой складке шторы и стала плоской, как пятно.

В складке тихо треснул стеклянный глаз.

Мивель ахнул.

Яссена быстро подняла руку, останавливая всех, кто мог броситься к окну.

— Не трогать.

Голос прозвучал строже, чем она ожидала от себя. И, к её удивлению, все послушались. Даже Рейвард.

Она взяла из коробки не иглу, а маленькие ножницы, подцепила ими нижний край ткани и осторожно вывернула шов. Стеклянный глаз был пришит к подкладке тремя чёрными стежками. Теперь он треснул пополам, но внутри всё ещё теплилась мутная темнота.

— Это часть дворцовых наставлений? — спросила Яссена, не оборачиваясь.

Тивира молчала.

Рейвард подошёл ближе. Так близко, что Яссена почувствовала исходящее от него сухое тепло, совсем не человеческое и не похожее на жар очага. Драконье. Сдержанное. Опасное не потому, что он хотел пугать, а потому, что таким был по природе.

— Снять, — сказал он.

— Нельзя руками, — быстро произнёс Мивель.

Рейвард остановился.

Яссена посмотрела на мальчика.

— Почему?

— Она кусается холодом.

Он сказал это по-детски, но в комнате никто не усмехнулся.

Яссена взяла со стола пустую льняную салфетку. Белую, чистую, с вышитым по краю маленьким гербом. Осторожно обернула ею нижний край шторы вместе с глазом и только потом срезала нитки.

Треснувшая вещица упала в ткань беззвучно.

В тот же миг в комнате стало светлее.

Не настолько, чтобы кто-то другой, может быть, поверил. Но Яссена увидела: серый налёт у перил за дверью будто отступил, шторы потяжелели обычной тканью, а воздух у окна перестал давить на плечи.

Мивель сделал первый за всё утро свободный вдох.

— Ушла? — спросил он.

— Эта — да, — ответила Яссена и сама удивилась, как уверенно прозвучали слова.

Она не хотела обещать больше, чем знала. Тень у окна исчезла, но оставался вопрос: кто её привёл? И почему именно в детскую наследника?

Рейвард протянул руку.

Яссена передала ему свёрнутую салфетку, стараясь не коснуться его пальцев. Не из страха. Скорее из осторожности. В этом мире даже случайные прикосновения могли значить то, о чём она не имела понятия.

Король принял находку и впервые посмотрел на неё не как на нарушительницу приказов.

— Где вы научились распознавать такие вещи?

Вопрос был простым. Ответ — опасным.

Сказать правду она не могла. Сказать ложь — могла, но плохая ложь во дворце живёт недолго. Яссена выбрала то, что уже говорила раньше и что хотя бы не противоречило её настоящей жизни.

— В доме, где много чужих людей, быстро учишься замечать то, что не должно лежать, висеть или молчать там, где оно лежит, висит и молчит.

Рейвард чуть прищурился.

— Вы говорите странно.

— Сегодня мне это уже говорили.

Мивель посмотрел на неё снизу вверх:

— Это я говорил.

— Ты был первым, — согласилась Яссена. — Значит, имеешь право гордиться.

На этот раз мальчик улыбнулся по-настоящему. Быстро, робко, но всё же так, что лицо его стало совсем другим. Не слабым, не испуганным, не “неподтверждённым наследником”, как, вероятно, называли его те, кто любил длинные придворные слова. Просто мальчиком, которому вернули кусочек утра.

Рейвард увидел эту улыбку.

И на мгновение всё вокруг изменилось.

Король не смягчился открыто. Не бросился к сыну, не сказал тёплых слов, не сделал ничего, что могло бы разрушить образ властного дракона. Но Яссена заметила, как его пальцы на свёрнутой салфетке сжались чуть крепче, а взгляд задержался на лице Мивеля с той странной растерянностью, с какой люди смотрят на давно запертую комнату, вдруг оказавшуюся не пустой.

Эмма тихо всхлипнула и тут же сделала вид, что поправляет поднос.

— Завтрак, — напомнила Яссена, потому что слишком долгое молчание могло снова превратиться в церемонию.

Мивель оглянулся на отца.

— Можно?

Рейвард ответил не сразу.

Для короля это был, возможно, ничтожный вопрос. Для ребёнка — целый мир. Можно ли сесть на ковёр? Можно ли есть то, что нравится? Можно ли хотеть? Можно ли быть не наследником хотя бы несколько минут?

— Можно, — сказал Рейвард.

Мивель сел к маленькому столику так осторожно, словно ожидал, что разрешение сейчас отнимут. Яссена взяла салфетку, разложила ему на коленях, потом поставила рядом тарелку. Эмма нарезала груши так тонко, что ломтики просвечивали на свету. Сыр лёг на лепёшку мягким белым слоем, сверху Яссена положила две ягоды и поймала себя на том, что делает это почти так же, как в прежней жизни украшала завтрак для маленькой Лены, дочери вдового переписчика, которая ела только “если красиво”.

На секунду сердце кольнуло тоской по тому миру.

По пансиону. По старой лестнице, которая скрипела на третьей ступени. По окну кухни, где в дождь скапливалась вода. По людям, которые, может быть, сейчас ищут её или уже не могут найти.

Но рядом Мивель осторожно откусил лепёшку, и его плечи опустились.

Сейчас её тоска могла подождать.

— Вкусно? — спросила она.

Он кивнул с полным ртом, потом спохватился, проглотил и чинно произнёс:

— Благодарю, госпожа Лиргард.

— Яссена, — поправила она.

Тивира резко подняла взгляд.

— Наследник не обязан обращаться к младшей кормилице по имени.

— Он уже обращается, — сказала Яссена, не глядя на неё. — И, кажется, от этого дворец пока не рухнул.

Эмма кашлянула в полотенце. Молодой слуга за дверью отвернулся к стене.

Рейвард молча смотрел на сцену. Салфетка с треснувшим глазом всё ещё была у него в руке. Он не отдал её никому. Это было важно. Значит, находка не исчезнет в чьём-нибудь кармане по дороге к объяснениям.

— Дальше, — сказал король.

Яссена подняла глаза.

— Что дальше?

— Вы нашли один предмет. Есть ещё?

Вопрос был разумным. Слишком разумным. И очень опасным, потому что Яссена уже чувствовала, как все ждут от неё уверенности, которой у неё не было. Она не знала магических следов. Не умела видеть скрытые печати. Не понимала, почему белая нить сработала. Она просто воспользовалась тем, что увидела, и тем, что Мивель сказал правду.

— Я не знаю, — ответила она.

Тивира тут же воспользовалась этим:

— Ваше Величество, как я и говорила, случайное совпадение не может служить основанием для...

— Я не закончила, — Яссена посмотрела на короля, не на Тивиру. — Я не знаю, есть ли ещё такие предметы. Но я знаю, как проверить комнату без шума, без совета и без того, чтобы пугать ребёнка.

— Как?

— Навести здесь порядок.

Тивира моргнула.

Рейвард молчал.

Яссена обвела рукой комнату: холодные полки с игрушками, тяжёлые шторы, кресла, поставленные так, что сидящий в них взрослый всегда оказывался выше ребёнка, пустой ковёр, огромную кровать, возле которой Мивель сидел утром один.

— Настоящий порядок, Ваше Величество, не тот, при котором всё ровно лежит и никто не смеет дышать. Нужно открыть шторы, перебрать игрушки, снять лишнюю ткань, вытряхнуть ковры, проверить подоконники, швы, сундуки, ножки мебели, щели у пола. Нужно понять, где Мивелю удобно сидеть, где он играет, откуда видит дверь, что его пугает, а что успокаивает. Если в комнате есть ещё чужие вещи, они проявятся. Если нет, наследник хотя бы перестанет жить в месте, где каждая подушка стоит по приказу.

— Детская башня содержится согласно регламенту, — процедила Тивира.

— Регламент не заметил глаз в шторе.

На этот раз в комнате никто не кашлянул и не вздохнул. Слова получились слишком точными, чтобы прятать их за неловкостью.

Рейвард медленно перевёл взгляд на старшую хранительницу.

— Кто имел доступ к покоям наследника ночью?

— Наставницы, няра, дежурная смена, я сама, как старшая башни. Также служанки, отвечающие за уборку, и мастер шторного двора, если он приходил по заявке.

— Он приходил?

— Не могу сказать без журнала.

— Принесите журнал.

Тивира застыла.

— Сейчас?

— Вы хотели порядка. Начнём с него.

В голосе короля не было гнева. От этого распоряжение прозвучало ещё страшнее. Тивира склонила голову, но перед тем, как выйти, бросила на Яссену быстрый взгляд. Не просто злой. Предупреждающий.

“Ты ещё пожалеешь”.

Яссена почти услышала это без слов.

Когда Тивира вышла, в комнате будто стало легче дышать. Мивель доел половину лепёшки и осторожно потянулся за грушей. Эмма смотрела на него так, словно простой детский аппетит был маленьким чудом.

Рейвард подошёл к столику.

Мивель сразу замер.

Король заметил это и остановился на расстоянии. Слишком большом для отца. Слишком правильном для государя.

— Ты видел эту тень раньше? — спросил он.

Мивель кивнул.

— Сколько раз?

Мальчик начал считать на пальцах, потом сбился.

— Много.

Рейвард сжал челюсть.

— Почему мне не доложили?

Этот вопрос был уже не к Мивелю, но мальчик всё равно испугался, будто виноват был он.

Яссена положила рядом с его тарелкой ещё один ломтик груши.

— Ваше Величество, ему сейчас трудно отвечать за чужие решения.

Рейвард посмотрел на неё.

Взгляд был острым.

— Вы часто перебиваете королей?

— Сегодня у меня первый опыт.

Эмма уронила ложку. Та звякнула о край подноса, и няра побледнела, словно совершила придворное преступление.

Рейвард не улыбнулся. Но в его глазах на мгновение что-то изменилось. Может, раздражение. Может, удивление. Может, первое слабое понимание, что эта странная женщина говорит не из дерзости ради дерзости.

— Тогда запомните, госпожа Лиргард, — сказал он. — В этом дворце такие привычки стоят дорого.

— Я уже поняла, что здесь дорого стоит всё, кроме детского спокойствия.

Слова вырвались быстрее, чем она успела их взвесить.

Комната замерла во второй раз.

Мивель перестал жевать. Эмма прикрыла рот ладонью. Даже огонь в очаге треснул громче, будто решил вмешаться.

Яссена почувствовала, как кровь приливает к лицу. Вот теперь она зашла слишком далеко. Можно было спорить с Тивирой, можно было объяснять, можно было защищать бытовую необходимость. Но бросать королю в лицо обвинение в собственном доме — глупость. Опасная, ненужная, почти самоубийственная для человека, которому только что дали семь дней вместо изгнания.

Она уже собиралась исправить фразу, но Рейвард заговорил первым.

— Вы считаете, что я не забочусь о сыне?

Вопрос прозвучал тихо.

И именно поэтому Яссена поняла: лгать нельзя.

— Я считаю, что вы не знаете, как он живёт, — сказала она после паузы. — А если знаете, тогда всё гораздо хуже.

Эмма закрыла глаза.

Мивель смотрел на отца. Не на Яссену, не на очаг, а на него. И в этом взгляде было столько испуганного ожидания, что Яссена вдруг поняла: мальчик сейчас слышит не спор взрослых. Он слышит ответ на главный вопрос своей маленькой жизни — увидит ли отец его наконец или снова спрячет за словом “долг”.

Рейвард молчал долго.

Потом медленно опустил свёрнутую салфетку с треснувшим глазом на край стола, подальше от Мивеля.

— Возможно, — сказал он, — я действительно знаю меньше, чем должен.

Это не было извинением.

Но для короля, привыкшего не ошибаться вслух, эти слова весили больше, чем любая красивая речь.

Мивель опустил взгляд на тарелку, но уголки его губ дрогнули. Совсем чуть-чуть. Будто он не решался поверить, но уже хотел.

Яссена осторожно выдохнула.

Сейчас, подумала она, сейчас не давить. Не объяснять королю, каким отцом ему быть. Не превращать маленькую трещину в пролом, через который всё рухнет. Достаточно того, что он сказал. Достаточно для одного утра.

— Тогда начнём с простого, — предложила она. — Его Высочество завтракает. Потом мы вместе осмотрим комнату. Вы — если сочтёте нужным — останетесь и увидите то, что здесь обычно происходит утром. Не церемонию. Не доклад. Обычное утро.

— Королю не положено присутствовать при распорядке детской башни, — машинально сказала Эмма и тут же испугалась собственных слов. — Простите, Ваше Величество.

Рейвард посмотрел на неё.

— Кем не положено?

Эмма растерянно открыла рот и закрыла снова.

Яссена почти пожалела женщину. В этом дворце слишком многие правила, похоже, существовали без хозяина. Их повторяли, соблюдали, ими пугали, но никто уже не помнил, кто первым сказал “нельзя”.

— В наставлениях, наверное, — тихо подсказал Мивель.

Рейвард повернулся к нему.

— Ты знаешь наставления?

Мальчик пожал плечом.

— Их все время говорят. Нельзя долго сидеть у огня. Нельзя просить вторую сказку. Нельзя оставлять игрушки на полу. Нельзя бежать к двери. Нельзя звать отца, когда он занят королевством.

Последняя фраза повисла в воздухе тяжело и некрасиво.

Яссена не смотрела на Рейварда. Не имела права смотреть сейчас слишком пристально. Но чувствовала, как рядом с ней будто сгущается жара, едва сдержанная под человеческой кожей.

— Кто говорил последнее? — спросил король.

Мивель мгновенно понял, что названное имя может навлечь беду на кого-то из взрослых. И, как многие дети, привыкшие беречь чужую злость больше собственной боли, сжал губы.

Яссена мягко коснулась края его тарелки.

— Не отвечай, если боишься. Мы всё равно будем разбираться не с тобой.

Рейвард посмотрел на неё, но на этот раз не перебил.

За дверью слышались шаги. Вернулась не Тивира, а молодой слуга. Он остановился у порога, поклонился королю и неловко протянул сложенный лист.

— Госпожа Тивира велела передать, что журнал принесут из хранилища. А это... это записка от регента. Для Вашего Величества. Срочная.

Слово “регент” заставило Эмму снова напрячься. Мивель перестал тянуться к ягодам. Даже огонь, показалось Яссене, стал ниже.

Рейвард взял записку, развернул и прочитал. Лицо его не изменилось, но Яссена уже успела понять: у короля лицо менялось редко, зато воздух вокруг него выдавал многое. Сейчас воздух стал сухим.

— Регент Каорель требует немедленного присутствия наследника на совете, — сказал он. — И моего подтверждения, что утреннее испытание не будет отменено из-за прихоти служанки.

Эмма побледнела.

Мивель положил недоеденную грушу обратно на тарелку.

Яссена ощутила, как внутри неё поднимается знакомое упрямство. В прежнем пансионе она терпеть не могла людей, которые называли заботу прихотью только потому, что сами никогда ни о ком не заботились.

— Ваше Величество, — произнесла она, стараясь говорить спокойно, — если регенту нужен наследник, он получит наследника. Но не испуганного мальчика, которого вытащили из-за стола. Дайте ему закончить завтрак, умыться, привести в порядок одежду и взять с собой то, что помогает ему держаться.

— Игрушку? — уточнил Рейвард.

В его голосе не было насмешки. Но Мивель всё равно прижал Искру ближе.

— Да, — сказала Яссена. — Игрушку. Иногда маленькая деревянная птица держит спину прямее, чем весь королевский герб.

Рейвард посмотрел на сына. Потом на птичку с обломанным крылом.

— Наследник Ольн-Дарак не явится в совет с игрушкой.

Мивель опустил голову.

Яссена не успела остановить разочарование, которое, должно быть, мелькнуло у неё на лице. Она знала, что не имеет права требовать слишком много. Знала, что король уже пошёл против совета, против Тивир, возможно, против собственных привычек. Но ребёнку от этого знания не становилось легче.

Рейвард продолжил:

— Наследник Ольн-Дарак явится в совет с личным знаком. Если эта птица принадлежит ему и помогает ему не забывать о храбрости, значит, сегодня это знак.

Мивель поднял голову так быстро, что светлые волосы упали ему на глаза.

— Можно?

— Можно, — сказал Рейвард. — Но держать её будешь открыто. Не прятать.

Мальчик посмотрел на Искру, потом на отца, потом осторожно кивнул.

— Она летает, когда никто не смотрит.

— Тогда пусть сегодня все посмотрят, — ответил король. — Возможно, ей пора.

Яссена вдруг почувствовала, как у неё защипало глаза. Совсем некстати. Совсем неправильно. Она отвернулась к столику, поправила салфетку, убрала лишние крошки, хотя их почти не было. Ей нельзя было раскисать от одной хорошей фразы. Особенно рядом с королём, который всё ещё мог через семь дней подписать её изгнание.

Но Мивель улыбнулся.

И ради этой улыбки стоило потерпеть даже взгляд Тивир, когда та вернётся.

Дверь снова открылась. На этот раз на пороге появилась сама старшая хранительница, а за ней — высокий худой мужчина в серебристо-сером одеянии. Он вошёл без приглашения,

как человек, уверенный, что любые двери во дворце открыты ему по праву. Лицо у него было красивое, но неприятно гладкое, словно на нём заранее отрепетировали все выражения: сочувствие, тревогу, уважение, скорбь. Сейчас он выбрал тревогу.

— Ваше Величество, — поклонился он. — Совет ожидает. Задержка уже вызывает вопросы.

Яссена сразу поняла: регент Каорель Вилст.

Мужчина поднял глаза и скользнул взглядом по комнате. По разгоревшемуся очагу. По подносу. По Мивелю. По Яссене. На ней его взгляд задержался чуть дольше.

Не как на человеке.

Как на ошибке в расчётах.

— А это, должно быть, та самая кормилица, — произнёс он. — Удивительное утро. Её должны были вывести из дворца, а она уже меняет порядок королевской башни.

— Не порядок, — тихо сказал Мивель.

Все посмотрели на него.

Мальчик побледнел, но не спрятался. Искра лежала у него на ладонях, обломанным крылом вверх. Золотая чешуйка рядом с деревянной птицей светилась едва заметно.

— Она меняет холод, — договорил он.

Огонь в очаге ответил мягким золотым всплеском.

Каорель улыбнулся.

Очень мягко. Почти ласково. И от этой улыбки Яссене стало неприятнее, чем от открытой злости Тивирь.

— Как поэтично для ребёнка, который ещё не подтвердил знак, — сказал регент.

Рейвард повернулся к нему.

— Осторожнее, Каорель.

Одно слово. Но в комнате стало тесно от драконьей силы.

Регент склонил голову.

— Я беспокоюсь только о королевстве.

Яссена посмотрела на Мивеля. Мальчик снова начал закрываться: плечи поднялись, пальцы прижались к птичке, взгляд потянулся к полу. Только теперь она уже знала: он боится не просто людей. Он боится тех моментов, когда взрослые делают вид, что его не существует, хотя говорят именно о нём.

Она взяла со стола салфетку, стряхнула невидимые крошки и спокойно сказала:

— Тогда королевству стоит подождать ещё пять минут. Его наследник не закончил завтрак.

Каорель медленно перевёл на неё взгляд.

— Вы смелы для женщины, чьё положение решается милостью.

— Нет, — ответила Яссена. — Я просто рядом с ребёнком, которого все торопят куда-то вести, но никто не спросил, готов ли он идти.

— Наследников не спрашивают о готовности.

— Тогда неудивительно, что они вырастают среди теней.

Тивира резко шагнула вперёд:

— Госпожа Лиргард!

Но Рейвард поднял руку.

И снова все замолчали.

Король смотрел не на Яссену. На сына. Мивель сидел за столом, маленький, бледный, с недоеденной лепёшкой, деревянной птицей и золотой чешуйкой, которую столько взрослых готовы были превратить в доказательство, приговор или государственную проблему. А он был ребёнком. Просто ребёнком, который хотел, чтобы огонь не сердился.

— Пять минут, — сказал Рейвард.

Каорель чуть заметно напрягся.

— Ваше Величество...

— Пять минут, регент.

Мивель медленно взял последний ломтик груши.

Яссена села рядом, не слишком близко, чтобы не унижить его заботой перед чужими, и не слишком далеко, чтобы он помнил: она здесь. Эмма тихо выпрямила ворот его жилета. Молодой слуга принёс влажное полотенце для рук и вдруг сделал это без прежней робости, словно простое разрешение заботиться вернуло ему профессию.

Эти пять минут были маленькими.

Но в них впервые за утро не было крика, замков и приказов.

Когда Мивель закончил, Яссена помогла ему вытереть пальцы, поправила жилет и аккуратно закрепила деревянную птичку на шнурке у него на груди. Получилось не игрушка в руках, а знак. Неровный, странный, с обломанным крылом, но его собственный.

— Готов? — спросила она тихо.

Мивель посмотрел на дверь. Потом на очаг. Потом на отца.

— Если Се-на пойдёт рядом.

Каорель усмехнулся:

— Совет не место для кормилиц.

— Сегодня, — сказал Рейвард, не повышая голоса, — эта кормилица идёт рядом с наследником.

Тивира побледнела уже открыто.

Яссена опустила голову, пряча слишком быстрый вдох. Она не победила. До победы было далеко, смешно даже думать об этом. Её просто пустили в следующий коридор, где опасностей наверняка было больше, чем в детской башне.

Но Мивель потянулся к ней рукой.

И когда она взяла его ладонь, золотая чешуйка под её пальцами снова стала тёплой.

За окнами детской башни серый утренний свет вдруг дрогнул, словно дворец моргнул после долгого сна.

А у самой двери, в складке ковра, куда почти никто не смотрел, Яссена заметила вторую тонкую полоску темноты.

Она не шевелилась.

Пока.

Глава 3. Король, который не верит слезам

Вторая полоска темноты лежала у самой двери так тихо, будто притворялась частью узора на ковре.

Яссена заметила её только потому, что уже начала смотреть не туда, куда смотрели все. Придворные видели короля, регента, наследника, нарушение порядка и женщину, которую ещё недавно должны были вывести за ворота. Мивель видел дверь в большой зал, где его будут оценивать. Тивира видела угрозу своей власти в детской башне. Каорель, кажется, видел только расстановку фигур на доске, где ребёнок был не мальчиком, а правом на будущий трон.

А Яссена смотрела на пол.

В прежнем пансионе пол говорил честнее людей. Если у постояльца мокрые следы у двери — значит, пришёл с улицы, но почему-то уверяет, что всю ночь спал. Если под столом крошки только у одного стула — значит, ребёнок ел тайком, а не “совсем ничего не хотел”. Если коврик у порога сдвинут на палец — кто-то выходил ночью и не хотел, чтобы это заметили.

Здесь ковёр у двери не был сдвинут.

Зато тонкая тёмная полоска легла поперёк порога так аккуратно, будто кто-то нарочно провёл по нему холодным пальцем.

Мивель стоял рядом, уже умытый, с поправленным жилетом и деревянной птичкой Искрой на шнурке у груди. Он держался лучше, чем несколько минут назад, но Яссена чувствовала, как его ладонь в её руке то сжимается, то немного отпускает. Не от каприза. От борьбы. Ребёнок собирал себя по кусочкам, как маленькую башню из деревянных брусков, которую взрослые вот-вот снова заденут локтем и назовут это необходимостью.

— Ваше Высочество, — произнёс Каорель мягко, — совет уже ожидает.

Мивель посмотрел на отца.

Рейвард Олын-Дарак стоял между очагом и дверью. Салфетка с треснувшим стеклянным глазом была у него в руке, и от этого маленького свёртка вся его сдержанная властность казалась опаснее. Король не размахивал находкой, не обвинял, не требовал признаний. Он просто держал доказательство того, что в детской башне происходило нечто, чего ему не докладывали.

И всё же Яссена понимала: одного доказательства мало. Особенно во дворце.

Здесь каждый умел сделать вид, что очевидное требует ещё трёх печатей, двух свидетелей и отдельного разрешения совета.

Она медленно повернула голову к Рейварду.

— Ваше Величество.

Он посмотрел на неё сразу. Слишком внимательно.

— Что ещё?

В этих двух словах не было раздражения, но было предупреждение. Каждая задержка перед советом становилась опаснее. Каждая новая странность могла показаться попыткой сорвать испытание. А Яссена и так уже вмешалась в королевский порядок, задержала наследника за завтраком, нашла чужой предмет в шторе и позволила себе говорить с королём так, как с ним, судя по лицам окружающих, не говорили даже близкие советники.

Она могла промолчать.

Пройти через порог, сделать вид, что тёмной полосы нет, и надеяться, что всё обойдётся.

Но вся её прежняя жизнь держалась на другом правиле: если видишь, что под ковром тлеет уголёк, не накрывай его дорожкой для красоты. Потом сгорит весь дом.

— У порога ещё один след, — сказала она.

Тивира закрыла глаза на короткое мгновение, как человек, которому надоело слушать чужую глупость.

Каорель улыбнулся.

— След? Как любопытно. Госпожа Лиргард, вы теперь будете задерживать королевский совет при каждом пятне на полу?

Яссена не ответила ему сразу. Нельзя было позволить втянуть себя в перепалку. Регент говорил легко, почти лениво, но каждое его слово было поставлено так, чтобы она выглядела суеливой, нелепой и опасной для порядка.

Она присела возле Мивеля и посмотрела не на тёмную полосу, а на мальчика.

— Ты её видел раньше?

Мивель сразу понял, о чём она. Его взгляд метнулся к порогу, потом к Каорелю, потом к отцу.

— Она бывает у двери, — прошептал он. — Когда я хочу выйти.

— И что она делает?

Мальчик крепко прижал Искру к груди.

— Ждёт.

Простое детское слово прозвучало так, что Эмма побледнела.

Рейвард шагнул к порогу.

— Не подходите прямо, — быстро сказала Яссена.

Король остановился. Не потому, что подчинился ей как служанке. Скорее потому, что уже видел, как у окна треснул стеклянный глаз, и не мог больше считать каждое её замечание пустой дерзостью.

— Объясните, — потребовал он.

— Пока не могу, — честно ответила Яссена. — Я не знаю, что это такое. Но у окна тень тоже не любила, когда на неё смотрели прямо. И Мивель сказал, что эта у двери ждёт, когда он захочет выйти. Значит, перед советом наступать на неё не стоит.

— Вы строите выводы на словах ребёнка, — заметил Каорель.

Яссена поднялась.

— Нет, регент. На словах ребёнка, треснувшем стеклянном глазе, погасавшем огне и пятне у порога, которое не отбрасывает ни один предмет в комнате. Если у совета есть более удобное название для всего этого, я готова его выслушать.

Каорель чуть прищурился. Улыбка осталась на месте, но глаза стали холоднее.

Тивира шагнула вперёд.

— Ваше Величество, если позволить младшей кормилице видеть заговор в каждой складке ткани, наследник никогда не покинет башню.

— А если позволить всем остальным не видеть ничего, — сказала Яссена, — он может однажды не дойти даже до двери.

Мивель вздрогнул.

Яссена тут же пожалела, что сказала так резко при нём. Ей нужно было учиться говорить в этом дворце не только правду, но и такую правду, от которой ребёнок не станет ещё бледнее. Она опустила руку на его плечо, не прижимая, просто давая понять: она рядом.

Рейвард посмотрел на тёмную полосу.

— Что вы предлагаете?

Вопрос был не мягким. Но это уже был вопрос, а не приказ отойти. И в этом была маленькая победа, которую Яссена не имела права потратить на красивую позу.

Она огляделась. Коробка для рукоделия осталась на маленьком столике у окна. Белая нить, которой они окружали первую тень, лежала там же, рядом с катушками. Ещё на подносе была чистая салфетка. У Эммы на поясе — связка светлых лент для полотенец. Никакого великого арсенала. Только то, что бывает в доме, где кто-то следит за чистотой, тканью и детскими руками.

— Ленту, — сказала Яссена. — Светлую. И немного золы из очага.

Слово “зола” заставило Каореля чуть заметно повернуть голову.

— С каких пор королевского наследника ведут в совет через золу?

— С тех пор, как у его двери появились чужие тени, — ответил Рейвард раньше Яссены. Она невольно взглянула на него.

Король сказал это без нажима, но на мгновение ей показалось, что в комнате стало теплее не от очага. Он не становился добрым. Не пытался быть приятным. Просто встал на сторону факта, а не на сторону удобного молчания.

Эмма засуетилась, достала из связки самую простую белую ленту и протянула Яссене. Та взяла её, потом подошла к очагу. Пламя горело ровно, будто внимательно следило за каждым движением. Яссена не знала, как просить у огня помощи. Не знала, нужно ли в этом мире кланяться очагу, благодарить его или просто не делать глупостей.

Она выбрала последнее.

Пальцами брать золу не стала. Взяла маленькую деревянную ложечку с подноса, набрала ею немного светло-серого пепла у самого края очага и аккуратно коснулась им ленты. Та не вспыхнула, не засияла, не превратилась в чудо. Осталась полоской ткани с неровным серым следом.

Каорель негромко усмехнулся.

— Впечатляет.

Мивель нахмурился.

— Не смейтесь над Се-ной.

Регент перевёл на него взгляд.

— Я никогда не смеюсь над наследником, Ваше Высочество.

— Вы смеялись не надо мной.

— Значит, вы уже различаете такие тонкости?

Мивель открыл рот, но не нашёл ответа. Он растерялся, а растерявшись, снова попытался спрятать золотую чешуйку в кулак.

Яссена повернулась к Каорелю.

— Он различает больше, чем вы думаете. Просто взрослым удобнее считать, что дети ничего не понимают, пока не начинают повторять их слова.

На этот раз Рейвард бросил на неё короткий взгляд. Не запрещающий, но предостерегающий. Яссена поняла: ещё шаг — и разговор снова станет не о Мивеле, а о её дерзости.

Она подошла к порогу сбоку, как у окна. Положила ленту не на тёмную полосу, а рядом, чуть наискось. Потом протянула второй конец Мивелю.

— Держи, если сможешь.

Мальчик осторожно взял ленту. Его пальцы дрожали.

— А если она укусит холодом?

— Тогда отпустишь. Это не испытание. Это просто проверка.

Он кивнул.

Яссена опустила свой конец ленты к полу. Зола на ткани вдруг стала светлее, будто внутри каждой пылинки проснулась крохотная искра. Тёмная полоска у порога дрогнула, но не отступила. Наоборот, вытянулась тонким язычком к Мивелю.

Рейвард шагнул вперёд.

— Не надо! — выдохнул мальчик.

И король остановился снова.

Вот это Яссена запомнила. Не как придворный жест, не как милость, а как первую неловкую попытку отца не ворваться в страх сына силой.

— Мивель, — тихо сказала она, — посмотри на Искру.

Мальчик опустил взгляд к деревянной птичке.

— У неё крыло сломано.

— Но ты говорил, она всё равно летает.

— Когда никто не смотрит.

— А если сегодня смотрит только тот, кто хочет ей помочь?

Он задумался. Совсем по-детски, с нахмуренным лбом и чуть приоткрытыми губами. Потом поднял Искру на ладони так, чтобы обломанное крыло было видно.

Золотая чешуйка коснулась дерева.

Пламя в очаге ответило сразу, но не всплеском. Оно стало высоким и ровным, как свеча в безветренной комнате. Свет протянулся по полу, коснулся золы на ленте, и тёмная полоска у порога вдруг сжалась в узелок.

В этом узелке что-то блеснуло.

Яссена поддела его краем ложечки и осторожно перевернула.

На ковре лежала крошечная чёрная пуговица. Обычная на первый взгляд. Такие пришивали к дорожным плащам, рабочим курткам, плотным шторам. Только в середине у неё было не две и не четыре дырочки, а один узкий прорез, похожий на закрытый глаз.

— Ещё один предмет, — сказал Рейвард.

Его голос стал ниже.

Тивира побледнела. Но не так, как человек, который впервые видит опасную находку. Скорее так, как человек, который понимает: чужая тайна выходит на свет слишком быстро.

Каорель, наоборот, смотрел спокойно.

Слишком спокойно.

— Пуговица у порога, глаз в шторе, испуганный ребёнок и кормилица, которая внезапно понимает, где искать, — произнёс он. — Ваше Величество, картина становится всё любопытнее.

Яссена почувствовала, как смысл его слов разворачивается, словно тонкая удавка. Он не отрицал находки. Ему и не нужно было. Гораздо выгоднее было связать её с ней.

Она сама просила ленты. Она сама нашла первый предмет. Она сама указала на второй. Она была бывшей кормилицей, которую должны были выгнать. Она очнулась после падения и стала вести себя иначе. А теперь рядом с ней очаг отвечал наследнику.

Да, во дворце такую историю можно было повернуть против неё за три фразы.

Мивель понял не всё, но почувствовал опасность.

— Се-на не ставила, — сказал он быстро.

— Откуда вы знаете, Ваше Высочество? — мягко спросил Каорель.

— Знаю.

— Дети часто уверены в том, во что хотят верить.

Мальчик покраснел, и Яссена поняла, что ещё немного — он заплачет. Не громко, не с криком. Просто сломается от беспомощности, потому что взрослый говорит красиво и неправильно, а ребёнок не умеет победить красивую неправду.

Рейвард смотрел на регента.

— Довольно.

— Я лишь стараюсь защитить королевский дом от поспешных выводов.

— Тогда начните с того, что не обвиняйте женщину, которая за одно утро нашла в комнате наследника больше, чем вся детская башня за много дней.

Каорель склонил голову.

— Как прикажете.

Слова были покорными. Улыбка — нет.

Яссена завернула пуговицу во вторую салфетку. Теперь на столе лежало два свёртка: треснувший стеклянный глаз и чёрная пуговица с узким прорезом. Два маленьких предмета, из-за которых большой дворец вдруг стал похож на дом, где в стены пустили чужой сквозняк.

— Теперь мы можем идти? — спросил Каорель.

— Мивель, — сказал Рейвард, не глядя на регента, — ты готов?

Мальчик посмотрел на Яссену.

Она не ответила за него. Только чуть кивнула: я рядом, но решение твоё.

Мивель вдохнул, расправил плечи и сказал:

— Да. Если Се-на рядом. И Искра.

— Тогда идём, — произнёс король.

В коридоре их уже ждали.

Яссена поняла это по тому, как резко выпрямились слуги у стен и как быстро разлетались шёпоты, не успев стать словами. Весть о том, что изгнанную кормилицу не только оставили во дворце, но и ведут рядом с наследником на совет, явно успела обогнать их на несколько переходов.

Детская башня выпускала их неохотно.

Такое ощущение появилось у Яссены почти сразу. Круглая дверь за спиной закрылась мягко, но каменный коридор впереди тянулся слишком длинным, слишком узким, с высокими окнами, где серый день казался выцветшей тканью. На стенах висели старые гобелены: драконы, гнёзда на горных уступах, женщины с чашами огня, дети с золотыми ладонями. Красиво. Дорого. Холодно.

Мивель шёл между Яссеной и Рейвардом.

Не совсем между ними, конечно. Придворный порядок не позволил бы кормилице идти вровень с королём. Рейвард двигался на полшага впереди, Каорель рядом с ним, Тивира чуть позади, а Яссена формально держалась ближе к Эмме. Но маленькая рука Мивеля всё равно нашла её пальцы, и никто не велел отпустить.

Она чувствовала, как он считает шаги.

На каждом седьмом пальцы сжимались. На каждом десятом он переводил взгляд на окна. Перед каждым поворотом чуть замедлялся. Это был не каприз и не слабость. Это была карта страха, выученная ребёнком в собственном доме.

Яссена наклонилась к нему.

— Поворот страшнее прямого коридора?

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Там не видно, кто впереди.

— Тогда будем смотреть на отражения.

— Где?

Яссена указала на тёмные полированные панели под окнами. В них смутно отражались фигуры и свет.

— Видишь? Если кто-то выйдет из-за угла, сначала дрогнет дерево.

Мивель посмотрел. Потом кивнул.

— А ты всегда так смотришь?

— Когда не знаю дома — да.

— Ты не знаешь дворца?

Вопрос был опасным своей простотой.

Яссена почувствовала, что Рейвард впереди чуть замедлил шаг. Услышал. Конечно, услышал. У короля-дракона, вероятно, слух был лучше, чем у обычного человека, а у отца, который наконец начал слушать сына, и подавно.

Она не могла сказать ребёнку правду. Не здесь, не в коридоре, не рядом с регентом. Но и лгать Мивелю прямо не хотела.

— Я знаю не весь дворец, — сказала она. — Но я учусь.

— Я тоже не весь знаю, — признался мальчик почти шёпотом. — Мне нельзя в западное крыло. И в нижний сад. И в галерею с синими окнами. И к большому очагу.

Рейвард остановился.

Не резко, но вся процессия замерла вместе с ним.

— К большому очагу? — спросил он, обернувшись.

Мивель тут же пожалел, что заговорил. Это было видно по тому, как он втянул голову в плечи и прижал Искру к груди.

— Так сказали.

— Кто?

Мальчик молчал.

Тивира ответила вместо него:

— Ваше Величество, доступ наследника к большому очагу ограничен до подтверждения знака. Это древняя предосторожность. Ребёнок с неустойчивым огнём может испугаться силы рода.

Яссена заметила, как Мивель посмотрел на собственную ладонь. Не с гордостью. С виной. И снова не выдержала.

— Простите, Ваше Величество, но если ребёнку постоянно говорить, что его собственное тепло опасно, он и у тёплой чашки начнёт просить разрешения не обжечь дворец.

Тивира резко повернулась к ней.

— Вы не знаете наших древних предосторожностей.

— Не знаю, — согласилась Яссена. — Но уже знаю, что две из них оказались чужими предметами у окна и двери.

Рейвард ничего не сказал.

Но пошёл дальше медленнее.

Теперь он иногда оглядывался на сына. Неловко, как человек, который не привык смотреть назад и внезапно понял, что всё важное давно идёт не впереди, а позади.

Совет собирался в зале, который называли Круглым гнездом.

Яссена узнала это не из памяти прежней Яссены, а из шёпота двух стражей у высоких дверей. Двери были двустворчатые, тёмно-красные, обитые бронзовыми пластинами. На каждой пластине был выбит дракон, свернувшийся вокруг яйца. Слишком торжественно для ребёнка. Слишком много символов, перед которыми маленькому человеку легко почувствовать себя неправильным.

Перед дверями Рейвард поднял руку.

Все остановились.

— Наследник войдёт через пять минут, — сказал он стражам. — Совет ожидает молча. Один из стражей поклонился и исчез за створкой.

Каорель чуть повернул голову.

— Ваше Величество, ещё пять минут?

— Да.

— Совет может решить, что вы сомневаетесь в готовности наследника.

— Совет решит то, что ему будет позволено решить.

Регент улыбнулся. На этот раз без мягкости.

— Разумеется.

Рейвард указал на боковую дверь.

— Госпожа Лиргард, со мной.

Яссена не сразу поняла, что приказ обращён к ней.

Мивель понял раньше и крепче вцепился в её пальцы.

— Она пойдёт?

— Пойдёт, — сказал Рейвард. — Через пять минут. Сейчас мне нужно с ней поговорить.

— Я тоже.

— Ты останешься с Эммой у открытой двери.

Мивель побледнел.

Яссена присела перед ним.

— Смотри на дверь. Она будет открыта. Я буду там, где ты сможешь меня увидеть.

— А если закроют?

— Тогда ты скажешь: “Откройте”. Не попросишь. Скажешь.

Он посмотрел на неё с сомнением.

— Я могу?

Она перевела взгляд на Рейварда.

Король ответил не ей, а сыну:

— Можешь.

Мивель недоверчиво моргнул.

— Даже если госпожа Тивира скажет нельзя?

— Даже тогда.

Тивира застыла.

Яссена поднялась, не глядя на неё. Иногда лучше не видеть лицо человека в момент, когда у него отнимают привычный ключ.

Боковая комната оказалась небольшой, почти пустой. Узкий стол, два кресла, высокий шкаф для церемониальных свитков, на подоконнике — тяжёлая чаша с погасшими углями. Не детская, не жилая, не тёплая. Комната для ожидания и решений, которые не хотят произносить при лишнем ушах.

Рейвард вошёл первым. Яссена за ним. Дверь он оставил открытой, как обещал. Через проём было видно Мивеля: Эмма поправляла ему ворот, а мальчик всё равно смотрел только на Яссену.

Это помогло ей не дрогнуть.

Король положил на стол оба свёртка — стеклянный глаз и пуговицу. Потом повернулся к ней.

— Теперь говорите.

Яссена молчала.

— Что именно, Ваше Величество?

— Кто вы?

Вот и всё.

Не “что вы нашли”, не “как вы догадались”, не “зачем вы вмешались”. Сразу в сердце тайны, которую она сама боялась трогать даже мысленно.

За открытой дверью Мивель тихо что-то сказал Эмме. В коридоре послышался осторожный ответ няры. Жизнь продолжалась, и это было почти обидно: внутри Яссены всё замерло, а снаружи кто-то поправлял детский воротник.

Она могла сказать: “Яссена Лиргард, младшая кормилица наследника”. Так было написано на табличке. Но король спрашивал не это.

— Сегодня утром я очнулась в комнате и поняла, что меня собираются выгнать, — сказала она медленно. — Всё остальное я собираю по кускам.

Рейвард не изменился в лице.

— Удобный ответ.

— Не очень. Мне он самой не нравится.

— Вы хотите убедить меня, что после падения забыли дворец, но сохранили умение спорить с королём?

— Я хочу убедить вас, что не знаю достаточно, чтобы безопасно лгать. Поэтому говорю осторожно.

Он сделал шаг ближе. Не угрожающий, но всё равно тяжёлый. Воздух рядом с ним был сухим и тёплым, как у каменной стены, за которой горит большой огонь.

— До сегодняшнего утра Яссена Лиргард была тихой. Испуганной. Послушной настолько, что даже Тивира считала её удобной, пока наследник не привязался к ней сильнее,

чем позволял порядок башни. Сегодня она встаёт после падения, перечит приказам, находит скрытые предметы, отвечает регенту и говорит моему сыну так, будто знает его лучше людей, служивших здесь годами.

Каждое слово было точным. Слишком точным.

Яссена почувствовала, как прежняя жизнь — пансион, старые ключи, мокрые ступени, утренние хлопоты — отступает куда-то далеко, а перед ней остаётся только человек с янтарными глазами, который не верит случайностям. И правильно делает.

— Я не знаю, какой была прежняя Яссена в ваших глазах, — сказала она. — Возможно, тихой. Возможно, запуганной. Но если она оставила в своём мешке игрушку Мивеля, значит, не была равнодушной.

— Это не ответ.

— Другого полного у меня нет.

Рейвард смотрел на неё, и Яссена вдруг поняла, почему глава называлась бы именно так, если бы кто-то записывал этот день в книгу. Король не верил слезам. Даже если бы она сейчас расплакалась, упала на колени, рассказала самую жалкую историю из всех возможных, он не смягчился бы. В его мире слёзы, вероятно, давно стали частью придворного языка: ими просили милости, прикрывали ошибки, продавали раскаяние, выбивали решения. Он видел их слишком много и потому перестал различать, где в них правда.

Значит, плакать нельзя.

Да она и не собиралась.

— Вы ждёте, что я начну просить пощады? — спросила она.

— Обычно в вашем положении так и делают.

— А вы обычно верите?

— Нет.

— Тогда не будем тратить пять минут.

Его взгляд стал ещё пристальнее.

За дверью Мивель шевельнулся. Яссена не обернулась, хотя очень хотела. Если она сейчас покажет страх, мальчик увидит. И решит, что даже Се-на не выдержала королевского голоса.

Рейвард подошёл к столу, развернул салфетку со стеклянным глазом. Треснувшая вещица лежала на белой ткани, будто грязная капля, которая не могла растечься.

— Где вы научились работать с очажной нитью?

— Я не знаю, что такое очажная нить.

— Но использовали её.

— Я использовала белую нитку, потому что Мивель боялся смотреть прямо, а тень реагировала на его чешуйку и огонь. Нить дала ему что-то держать. Иногда ребёнку нужно не чудо, а конец верёвочки в руке.

— А зола на ленте?

— Пепел принадлежал очагу. Тень была чужой. Я решила, что вещь из комнаты может показать, что в комнате не своё.

Он молчал.

Яссена не знала, правильно ли сказала. Но это была правда — такая, какой она могла её объяснить себе. Никаких тайных знаний. Никакой великой магии. Только дом, ребёнок, страх и попытка не наступить на то, что шевелится в углу.

— Вы понимаете, что ваши слова звучат как неумелая ложь? — спросил Рейвард.

— Да.

— И всё равно говорите их?

— Да.

— Почему?

— Потому что умелая лож потребовала бы знания вашего мира. А я его не знаю. Вот теперь он замер.

Она сказала слишком много.

Не всё. Но достаточно, чтобы воздух между ними изменился.

Яссена поняла это сразу. У Рейварда взгляд не стал злее, но стал глубже, будто за человеческим лицом на миг пошевелилось что-то огромное, древнее и очень внимательное.

— Моего мира, — повторил он.

Слова прозвучали тихо.

Она могла отступить. Сказать, что имела в виду дворец. Королевский круг. Драконы правила. Но он бы понял, что она испугалась собственной фразы. А испуганная лож пахнет сильнее любой правды.

— Вашего дворца, — сказала Яссена после короткой паузы. — Ваших законов. Ваших запретов. Вашей детской башни, где ребёнку нельзя тепло, игрушку и отца у двери. Для меня это действительно другой мир.

Рейвард не отвёл взгляда.

Ей показалось, что он понял: она спрятала часть ответа. Не уличил, не поймал, но понял. И оставил это на потом.

— Вы опасны, госпожа Лиргард, — сказал он.

— Возможно.

— Не спорите?

— Я сегодня уже видела, как опасным можно объявить ребёнка, который хочет выйти из комнаты. Поэтому сначала уточнила бы, что именно вы имеете в виду.

За дверью Мивель тихо позвал:

— Се-на?

Яссена обернулась.

— Я здесь.

— Дверь открыта, — сказал он, словно докладывал о важном достижении.

— Вижу. Ты хорошо справляешься.

Мальчик выпрямился.

Рейвард увидел это. Конечно, увидел. Он мог не знать, что ел его сын, кто закрывал его шторы, почему тот считает шаги в коридоре, но он был не слеп. Просто слишком долго смотрел не туда.

— Почему он вам верит? — спросил король.

Яссена снова повернулась к нему.

— Потому что я сначала пришла, а потом уже стала объяснять.

— Этого достаточно?

— Для взрослого нет. Для ребёнка, которого запирали, — иногда да.

Рейвард медленно сжал пальцы на краю стола.

— Вы часто произносите обвинения так, будто подаёте полотенце.

— Простите.

— Это не было просьбой о покаянии.

— Тогда не простите.

Он впервые посмотрел на неё почти с недоумением. Будто не решил, считать ли её безрассудной или невозможной.

Яссена тоже смотрела на него и вдруг заметила усталость. Не явную. Не ту, которую можно выразить жалобой. У короля усталость пряталась в том, как он держал плечи слишком ровно, как не позволял себе лишнего движения, как каждую фразу будто сначала пропускал через железную решётку долга. Он не верил слезам не потому, что был каменным. Возможно,

потому что однажды поверил чему-то слишком поздно или слишком рано и теперь запретил себе верить вообще.

Эта мысль была опасной.

Сочувствие к властному мужчине легко перепутать с слабостью, а Яссене сейчас слабость не полагалась. Не перед советом. Не рядом с ребёнком. Не в чужом дворце, где каждая тень могла оказаться чьим-то глазом.

Рейвард накрыл свёртки ладонью.

— У вас будет семь дней.

— Вы уже сказали.

— Теперь я говорю условия.

Яссена выпрямилась.

— Слушаю, Ваше Величество.

— Первое. Вы остаётесь при наследнике, но не покидаете дворец без моего разрешения. Второе. Всё, что найдёте в детской башне или рядом с ним, передаёте лично мне. Не Тивире, не совету, не регенту. Мне. Третье. Если вы солжётё о том, что касается безопасности Мивеля, я сам выведу вас за ворота, и никакой очаг не станет мне доводом.

Она кивнула.

— Понимаю.

— Не думаю.

— Но постараюсь.

— Четвёртое. Вы не будете использовать привязанность моего сына как щит.

Яссена резко подняла глаза.

Вот это задело.

Не потому, что он был неправ. А потому, что сказал то, чего она сама боялась. Мивель тянулся к ней, и эта привязанность уже стала её единственным правом оставаться здесь. Тонкая, детская, тёплая ниточка между ними могла превратиться в повод для чужих решений, если она не будет осторожна.

— Я не хочу делать из него щит, — сказала она медленно. — Но если на него будут нападать, я всё равно встану рядом.

— Рядом — не значит впереди.

— А позади — не значит бросить.

Они смотрели друг на друга слишком долго для разговора короля и кормилицы.

В проёме двери Каорель негромко кашлянул.

— Ваше Величество, совет уже услышал о задержке. Чем дольше мы стоим перед дверью, тем больше слухов родится к вечеру.

Рейвард не сразу ответил регенту. Он всё ещё смотрел на Яссену.

— Пятое, — сказал он. — Сегодня в зале вы говорите только тогда, когда я спрошу.

Яссена подумала о Каореле, о Тивире, о советниках, которые наверняка попытаются сделать из Мивеля удобное доказательство собственной правоты. Молчать будет трудно.

Очень трудно.

— Если речь пойдёт о Мивеле?

— Особенно тогда.

— Ваше Величество...

— Вы хотели, чтобы я увидел сына. Я увижу. Но если каждый ваш ответ будет звучать раньше моего, совет решит, что наследник находится не под защитой короля, а под влиянием кормилицы. Вы хотите дать Каорелю этот нож?

Слово было неприятным, но не запрещённым к делу. И точным.

Яссена стиснула пальцы.

— Нет.

— Тогда учитесь выбирать момент.

Она опустила голову.

— Хорошо.

Рейвард взял оба свёртка.

— И последнее. Если в зале вы испугаетесь, не показывайте Мивелю. Он смотрит на вас чаще, чем на меня.

Это было сказано без обиды. Но Яссена услышала под фразой то, что король не произнёс: “И мне это не нравится”. Не потому, что он ревновал как мужчина. Нет. Потому что отец, привыкший быть фигурой на гербе, вдруг обнаружил, что его сын ищет опору в чужой женщине.

— Он будет смотреть и на вас, — сказала она. — Когда поймёт, что можно.

Рейвард чуть заметно отвернулся.

— Вы снова говорите так, будто знаете.

— Нет. Так, будто надеюсь.

— Надежда — слабое основание для решения.

— Зато лучше, чем страх.

В этот раз он не стал спорить.

Они вышли обратно к дверям Круглого гнезда. Мивель сразу потянулся к Яссене взглядом, но руку протянул не ей. Сначала — отцу.

Это получилось неловко.

Мальчик сам словно испугался своего движения и уже хотел опустить ладонь, но Рейвард успел. Он не схватил, не притянул, не сделал красивого жеста на публику. Просто раскрыл свою большую ладонь рядом с маленькой, позволяя Мивелю самому решить, коснуться или нет.

Мивель коснулся.

Всего двумя пальцами.

Яссена увидела, как у Эммы дрогнули губы. Тивира смотрела в сторону. Каорель наблюдал с вежливым интересом человека, который уже прикидывает, как использовать даже это.

Двери открылись.

Круглое гнездо оказалось залом без углов. Стены поднимались вверх плавными ярусами, обложенными тёмным камнем с золотыми прожилками. В центре был широкий круглый знак, выложенный из светлых плит: гнездо, огонь и драконье крыло. По периметру сидели советники — мужчины и женщины в строгих одеждах, с цепями должностей, печатями, лентами родов. Их было не так много, как боялась Яссена, но достаточно, чтобы маленький Мивель рядом с ними казался ещё меньше.

Ни одного яркого окна.

Свет падал сверху, из круглого отверстия под куполом, но до пола доходил бледным. Очаг здесь был огромным, в человеческий рост, сложенным из чёрного камня. И почти пустым.

Яссена заметила это сразу.

Конечно.

Зал, где должны проверять наследника огня, встретил ребёнка холодным очагом.

Мивель тоже увидел. Его пальцы на руке отца дрогнули.

Рейвард почувствовал это и посмотрел туда же.

На лицах советников не было удивления. Значит, так и было задумано.

Каорель выступил вперёд.

— Ваше Величество, члены совета собрались для подтверждения малого знака наследника Мивеля Ольн-Дарака. Согласно древнему порядку, ребёнок должен подойти к королевскому очагу без поддержки и вызвать первое пламя своей крови. После этого совет признает знак действительным или назначит повторный срок наблюдения.

Повторный срок наблюдения.

Как красиво здесь называли детское одиночество.

Яссена стояла чуть позади Мивеля и молчала, как велел Рейвард. Но молчание давалось ей так тяжело, что пальцы сами нашли складку платья и вцепились в ткань.

Каорель продолжал:

— В связи с утренними обстоятельствами совет также просит удалить из зала посторонних лиц, способных повлиять на наследника.

Несколько взглядов скользнули к Яссене.

Вот оно.

Ожидаемо.

Она не двинулась. Даже дышать стала ровнее. Мивель начал поворачивать голову к ней, но Рейвард слегка сжал его пальцы. Не больно. Скорее напоминая: я здесь.

И мальчик остался стоять лицом к совету.

Яссена вдруг поняла, что это важнее любого её ответа. Он не спрятался за неё. И не был брошен один.

Рейвард поднял взгляд на советников.

— Госпожа Лиргард останется.

По залу прошёл тихий шорох.

Каорель склонил голову.

— Как свидетельница?

— Как временная кормилица наследника под моим личным надзором.

Тивира, стоявшая у входа, словно окаменела.

— На какой срок, Ваше Величество? — спросила одна из советниц с седой косой и янтарной цепью на плечах.

Рейвард посмотрел на Яссену.

Не долго. Но достаточно, чтобы она поняла: теперь её семь дней становятся не только милостью в детской башне, а решением, произнесённым перед советом. От него нельзя будет тихо отмахнуться в коридоре. Зато и спрятаться от него будет невозможно.

— На семь дней, — сказал он. — За это время госпожа Лиргард докажет, что полезна наследнику, или покинет дворец без повторного обсуждения.

Слово “полезна” врезалось в Яссену неприятно.

Но она не обиделась. Во дворце, где ребёнка проверяли перед холодным очагом, “полезна” было, пожалуй, самым честным правом на жизнь. Любовь здесь не принимали в расчёт. Заботу подозревали. Слезам не верили. Значит, оставались дела.

Мивель повернул к ней голову. В глазах у него был вопрос: это хорошо?

Яссена едва заметно кивнула.

Да. На сегодня — хорошо.

Каорель развёл руками.

— Совет принимает волю короля. Однако испытание должно пройти без её прикосновения к наследнику.

Мивель побледнел.

Рейвард посмотрел на сына.

— Мивель.

Мальчик поднял голову.

— Ты можешь подойти к очагу?

— Один?

Слово сорвалось слишком тихо.

В зале кто-то вздохнул. Не сочувственно — нетерпеливо.

Яссена почувствовала, как внутри неё всё сжалось. Она могла бы сейчас нарушить запрет, шагнуть, сказать, что ребёнка нельзя оставлять посреди холодного круга. Но тогда Каорель

получит именно то, что хотел: кормилица влияет, наследник без неё не способен, король уступает чужой женщине.

Она молчала.

Рейвард опустил перед сыном на одно колено.

Зал замер.

Для короля это, наверное, было почти невыносимо. Для отца — просто нужно. Но Рейвард, кажется, сам ещё не привык понимать, где заканчивается одно и начинается другое.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Мивель послушался.

— Ты не обязан звать огонь для них.

Каорель чуть поднял брови.

— Ваше Величество...

Рейвард не обернулся.

— Ты подойдёшь к очагу не потому, что совет ждёт зрелища. Ты подойдёшь, если хочешь узнать, ответит ли тебе наш дом. Я буду здесь. Госпожа Лиргард будет здесь. Искра будет с тобой. Если очаг промолчит, мы уйдём вместе.

Мивель смотрел на него так, будто эти слова были непонятным, но желанным языком.

— Ты не рассердишься?

Вопрос прозвучал на весь зал.

И вот теперь Яссена увидела, как Рейвард Ольн-Дарак, королевский дракон, человек, перед которым молчали советники и бледнела Тивира, на одно мгновение не нашёл ответа.

Не потому, что не знал его.

Потому что, возможно, впервые понял, сколько раз сын ждал именно этого ответа и не получал.

— Нет, — сказал он наконец. — Не рассержусь.

Мивель посмотрел на Яссену.

Она не сказала ни слова. Только положила ладонь себе на сердце и чуть наклонила голову к Искре. Мальчик понял. Его пальцы коснулись деревянной птички.

Потом он сделал шаг к очагу.

Один.

Второй.

На третьем свет из купола дрогнул.

На четвёртом по полу от дальнего края зала поползла тонкая тёмная полоска.

Яссена увидела её сразу. Не у двери. Не у шторы. Здесь, в самом Круглом гнезде, среди светлых плит, под взглядами совета.

Полоска тянулась к Мивелю.

Мальчик ещё не видел.

Рейвард увидел мгновением позже.

И в тот же миг Яссена поняла самое страшное: тень в детской башне была не началом.

Она была только ниточкой от большого клубка, спрятанного прямо у королевского очага.

Глава 4. Детская башня против новой хозяйки

Тень тянулась к Мивелю не как случайное пятно на камне.

Она тянулась как приказ.

Тонкая, почти незаметная на светлых плитах Круглого гнезда, она ползла от дальнего края зала, огибая золотые прожилки в полу, будто знала древний узор лучше тех, кто сидел на советных местах. Ни один предмет не отбрасывал её. Ни один огонь не давал ей права существовать. И всё же она двигалась — медленно, уверенно, прямо к маленькому мальчику, который ещё не видел, что испытание началось совсем не с очага.

Яссена заметила её первой и на один короткий миг забыла, как дышать.

Ей хотелось броситься вперёд. Схватить Мивеля за плечи, оттащить, закрыть собой, нарушить все приказы, все условия Рейварда, все правила совета, которые ещё утром казались ей чужими, а теперь — просто опасными. Но в ту же секунду она вспомнила голос короля в боковой комнате: «Сегодня в зале вы говорите только тогда, когда я спрошу».

И ещё страшнее — его объяснение.

Если она снова ответит раньше него, совет решит, что наследник стоит не рядом с отцом, а под влиянием кормилицы.

Каорель только этого и ждёт.

Яссена сжала пальцы в складке платья так крепко, что ткань больно впилась в ладонь. Нет. Боль была честной и маленькой, а значит, полезной. Она удерживала её на месте.

Рейвард увидел тень мгновением позже.

В зале не прозвучало ни крика, ни приказа. Король лишь поднял руку, и всё Круглое гнездо замерло так, будто сам воздух получил повеление не шевелиться.

— Мивель, — сказал он.

Мальчик остановился.

Не обернулся сразу. Просто застыл на четвёртом шаге от отца, с деревянной Искрой у груди и золотой чешуйкой на ладони, которая пока ещё не светилась. Он был слишком мал для этого огромного круглого зала, слишком одинок посреди светлых плит и слишком воспитан в страхе, чтобы спросить: «Что случилось?»

— Стой, — произнёс Рейвард уже тише. — Не делай следующего шага.

Теперь Мивель посмотрел на него.

И увидел лицо отца.

Яссена не знала, что именно мальчик прочёл в нём, но поняла по тому, как у него дрогнули губы: он испугался не тени, а того, что опять сделал что-то не так.

Каорель поднялся со своего места плавно, почти лениво.

— Ваше Величество, испытание уже началось. Останавливать наследника на круге знака крайне нежелательно.

— Нежелательно для кого? — спросил Рейвард.

Регент чуть склонил голову.

— Для порядка.

— Порядок подождёт.

Советники переглянулись. Где-то справа от Яссены тихо звякнула цепь должности. Тивира стояла у входа, неподвижная, как тёмная свеча, и смотрела не на Мивеля, не на Рейварда, а на Яссену. Так, словно именно она велела тени выползти посреди королевского круга.

Мивель наконец опустил взгляд.

И увидел.

Тень была уже в двух шагах от его туфель. Она вытянулась узким крючком, словно собиралась зацепить его за носок и потянуть туда, куда ему идти не следовало.

Мальчик побледнел.

— Се-на...

Имя сорвалось почти беззвучно, но в тишине зала его слышали все.

Яссена сделала полшага вперёд и остановилась. Не потому, что передумала. Потому что Рейвард обернулся к ней.

— Госпожа Лиргард, — сказал он, и в его голосе не было ни уступки, ни раздражения. — Говорите.

Разрешение прозвучало как открытая дверь.

Яссена выдохнула.

— Ваше Высочество, — обратилась она к Мивелю, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — не смотри прямо на неё. Помнишь?

Мальчик быстро кивнул.

— Она не любит прямо.

— Верно. Посмотри на Искру.

Он опустил глаза к деревянной птичке, но тень всё равно тянулась к нему, тонкая и терпеливая.

Яссена оглядела зал. Очаг. Каменные плиты. Советные скамьи. Тяжёлые шторы над верхними проёмами. Серебряные чаши на узких подставках. Всё выглядело торжественно, древне и безупречно. И именно поэтому казалось неправильным. Живой дом не бывает безупречным. В живом доме где-то скрипит дерево, где-то осыпается зола, где-то на краю стола лежит забытая детская лента. А здесь всё было вычищено до такой холодной правильности, будто из зала заранее убрали всё, что могло помочь ребёнку.

Очаг был почти пуст.

В огромной каменной пасти лежало несколько тёмных углей. Не мёртвых, нет, но таких слабых, будто их оставили не для огня, а для вида.

Яссена не знала древних обрядов. Не знала, как наследники драконов должны звать пламя. Но она знала другое: нельзя просить у дома тепла, если взрослые сами вынесли из него дрова.

— Ваше Величество, — сказала она, не сводя взгляда с очага, — кто готовил зал к испытанию?

Каорель ответил раньше короля:

— Круглое гнездо готовят хранители совета. В полном соответствии с обрядом.

— Тогда в обряде странная скупость на огонь.

По залу прошёл шорох. Кто-то возмущённо вдохнул. Тивири чуть заметно подняла подбородок.

Рейвард посмотрел на очаг.

Только теперь, кажется, по-настоящему посмотрел.

— Объясните, — сказал он.

Яссена выбрала слова осторожно. Не для совета. Для Мивеля. Чтобы мальчик услышал не обвинение, не новый страх, а простую правду, с которой можно стоять на месте и не развалиться.

— Его Высочество просят позвать огонь в зале, где почти не осталось самого огня. Это как просить ребёнка позвать гостей в дом, где взрослые закрыли двери, погасили свет и вынесли скамьи. Может быть, по вашим древним правилам так и надо. Но тогда не удивляйтесь, что дом отвечает не теплом, а тенью.

Седая советница с янтарной цепью, сидевшая ближе всех к очагу, медленно выпрямилась.

— В малом испытании очаг действительно не разжигают полностью, — произнесла она. — Наследник должен пробудить родовое пламя из малого зерна.

— Зерно должно быть живым, — сказала Яссена. — А не оставленным на холодной плите для отчёта.

Каорель улыбнулся.

— Госпожа Лиргард удивительно быстро судит об обрядах, которых не знает.

— Я не сужу об обряде, регент. Я смотрю на ребёнка, который стоит перед пустым очагом, и на тень, которая ползёт к нему быстрее пламени.

Рейвард шагнул вперёд.

Тень дрогнула.

Мивель вскинул голову.

— Отец, не надо. Она... она смотрит, когда ты сердишься.

Эти слова ударили сильнее, чем если бы мальчик закричал. Яссена увидела, как Рейвард остановился. Как напряжение в его плечах не исчезло, но изменилось, будто он впервые попытался удержать не силу, а собственный порыв.

— Хорошо, — сказал король.

Одно слово. Неровное. Непривычное для его голоса.

Мивель услышал его и чуть выпрямился.

Яссена тоже слышала. И поняла, что сейчас нельзя отдать победу тени. Не надо героических жестов, не надо страшных слов, не надо заставлять ребёнка доказывать что-то совету. Нужно дать ему маленькое дело, которое он сможет выполнить.

— Мивель, — сказала она, — ты помнишь, что мы делали с белой нитью?

— Держали с двух сторон.

— А сейчас у тебя есть Искра.

Он коснулся птички.

— У неё одно крыло.

— Значит, ей важно знать, куда возвращаться.

Мальчик посмотрел на неё с растерянностью.

— Куда?

Яссена не сразу ответила. Она почувствовала на себе взгляды всего совета, Каореля, Тивиры и Рейварда. Каждый ждал от неё либо ошибки, либо чуда. Но она не могла дать им ни того, ни другого. Она могла дать ребёнку простую опору.

— Домой, — сказала она. — Попроси не огонь для совета. Попроси очаг показать Искре дорогу домой.

Кто-то из советников тихо фыркнул. Но Мивель не услышал или сделал вид, что не услышал. Он обеими руками взял деревянную птичку, поднял её перед собой и посмотрел не на тень, не на пустой очаг, а на обломанное крыло.

— Искра хочет домой, — прошептал он.

Ничего не произошло.

Тень продолжала тянуться.

Яссена почувствовала, как у неё внутри всё сжалось, но не позволила себе двинуться. Не сейчас. Мивель должен был понять: не каждый добрый жест сразу даёт ответ, но это не значит, что он ошибся.

Рейвард стоял в нескольких шагах от сына, и Яссена боковым зрением увидела, как он медленно разжал ладонь. Не протянул руку. Не вмешался. Просто перестал держать пальцы сжатыми, будто показывал мальчику: я не сержусь.

Мивель увидел.

И сказал уже громче:

— Искра хочет домой. И я тоже.

Золотая чешуйка на его ладони вспыхнула.

Не ярко, не торжественно, не так, как, наверное, ожидал совет. Никакого высокого столба пламени, никакого драконьего рёва под куполом. Только тонкий золотой свет, который прошёл по обломанному крылу деревянной птицы, скользнул к полу и лёг перед Мивелем маленьким тёплым кругом.

Тень остановилась.

Потом вдруг выгнулась, как мокрая нитка на горячей плите, и отступила.

К очагу.

Яссена увидела это и похолодела. Тень не исчезала. Она возвращалась туда, откуда, похоже, и вышла: к основанию королевского очага. Под нижним каменным выступом что-то тускло блеснуло, но тут же спряталось в щели.

Огонь в очаге поднялся сам.

Маленькое пламя, которого там почти не было, вдруг стало ровным и золотым. Оно не заполнило весь каменный зев, но согрело ближайшие плиты, коснулось краёв древнего знака и отразилось в глазах Мивеля.

Мальчик стоял в круге света, прижимая Искру к груди.

— Он не сердится, — сказал он. — Он просто был закрыт.

Седая советница медленно поднялась.

— Малый ответ очага засвидетельствован.

Каорель повернулся к ней.

— Леди Верена, ответ был прерван посторонним вмешательством.

— Ответ был дан наследником, — произнесла она строго. — При всех. При короле. При совете. При родовом очаге. И при тех тенях, которые, как выяснилось, тоже сочли нужным явиться свидетелями.

В зале стало тихо.

Яссена запомнила имя: Верена. Леди Верена. Возможно, не союзница. Но, по крайней мере, женщина, умеющая видеть то, что лежит у неё перед глазами.

Рейвард подошёл к Мивелю и опустился рядом с ним на одно колено уже без прежней неловкости. Не мягко, нет. Осторожно. Так, будто любое движение могло спугнуть то тонкое доверие, которое только начало подниматься между ними.

— Ты справился, — сказал он.

Мивель посмотрел на него.

— Не как надо.

— Как смог. Сегодня этого достаточно.

Для совета, может быть, нет. Для древних обрядов — неизвестно. Но для ребёнка, который утром боялся выйти из комнаты, этих слов оказалось так много, что он не сразу понял, куда их деть. Он только кивнул и крепче прижал птичку к себе.

Яссена почувствовала, как напряжение отпускает её плечи. Не полностью. Тень спряталась у очага. Каорель не проиграл. Тивира не смирилась. А сама она всё ещё стояла в чужом мире на семидневном сроке, который мог закончиться изгнанием.

Но Мивель получил ответ.

Маленький. Неровный. Настоящий.

И с этого можно было начинать.

Детская башня встретила их тишиной.

Не прежней, пустой и холодной, а настороженной. Такой, какая бывает в доме после большой ссоры, когда все уже разошлись по комнатам, но стены ещё помнят сказанное. Яссена почувствовала это, едва они поднялись по знакомой лестнице. Серый налёт на перилах стал тоньше, но не исчез. Круглая дверь в покои Мивеля была распахнута настежь, и это само по себе казалось маленьким нарушением дворцового порядка.

Эмма шла рядом с наследником, всё время поправляя то ворот, то шнурок с Искрой, то край рукава, хотя всё и так лежало ровно. Она просто не знала, куда деть руки после совета.

Мивель устал.

Это было видно по тому, как он перестал считать шаги, но начал спотыкаться на ровном месте. Он не жаловался, не просился на руки, не говорил, что больше не хочет быть наследником. Он только крепче держал Искру и смотрел на очаг ещё с порога, будто проверял: не рассердился ли тот за их уход.

Огонь в детской башне горел ровно.

Яссена заметила, что при виде пламени мальчик выдохнул.

— Сначала сядем, — сказала она. — Потом всё остальное.

Тивира, вошедшая следом, сразу отозвалась:

— Распорядок дня Его Высочества не предполагает отдыха после совета. После малого испытания следует урок родовых знаков, затем час молчаливого чтения и обход наставницы.

Мивель застыл у ковра.

Яссена посмотрела на него, потом на Тивиру.

— Сегодня распорядок изменится.

Старшая хранительница медленно повернула к ней голову.

— Вы забываетесь, госпожа Лиргард.

— Нет. Я запоминаю. Его Высочество утром не завтракал вовремя, пережил совет, вызвал ответ очага, увидел тень в королевском зале и вернулся в башню на ногах, хотя любой взрослый после такого попросил бы кресло и тишину. Значит, сначала он сядет у огня, снимет парадный жилет и выпьет тёплый ягодный взвар с лепёшкой, если захочет.

Тивира побледнела от возмущения.

— Вы не имеете права менять питание наследника.

Яссена на миг закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.